

Мартин Музер

ИНОГДА НУЖНО ПРОСТО УДРАТЬ

*Перевод с немецкого Елены Леенсон
Иллюстрации Насти Туровской*

Москва КомпасГид
издательский дом
2022

УДК 821.112.2-3-93
ББК 84(4Гем)-44
М89

Перевод данной книги был поддержан грантом Немецкого культурного центра имени Гёте (Института им. Гёте), финансируемого Министерством иностранных дел Германии

Музер, Мартин.

М89 Иногда нужно просто удрать : [для мл. и ср. шк. возраста : 6+] / Мартин Музер ; пер. с нем. Елены Леенсон ; ил. Насти Туровской. — М. : КомпасГид, 2022. — 208 с. : ил. 978-5-907178-76-2

Финн, которому скоро исполнится десять лет, впервые едет один на поезде. В Берлине на вокзале его ждёт мама. Но в вагоне у мальчика крадут рюкзак. И он остаётся без билета, телефона и денег. Кондуктор ссаживает его с поезда и передаёт в руки полиции. По пути в участок полицейская машина сталкивается с грузовиком. И пока водители выясняют отношения, Финн и Йола — девочка из грузовика — находят общий язык и решают сбежать от взрослых. Тут-то и начинаются приключения.

Что может быть круче для десятилеток, чем самостоятельное путешествие на тракторе «Беларусь» или ночёвка в охотничьей хижине! Однако как теперь остроумной Йоле и смелому Финну, оставшимся без денег и связи, вернуться к родителям? И что ждёт вора, который обокрал мальчика в поезде?

Мартину Музеру (род. в 1965) удалось написать забавную историю и показать мир и жизнь вокруг глазами детей. Окончив Берлинский университет искусств, Мартин писал в основном сценарии для фильмов и телесериалов, читал лекции и много путешествовал на велосипеде. Возможно, поэтому тема дороги так здорово отражена в этой приключенческой повести для школьников.

«Иногда нужно просто удрать» моментально сделала Музера известным. Книга сразу попала в рекомендательный список Ольденбургской детской и юношеской книжной премии, а в 2019 году — в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

УДК 821.112.2-3-93
ББК 84(4Гем)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Тинбук».

© 2018 by CARLSEN Verlag GmbH, Hamburg, Germany
First published in Germany under the title
KANNAWONI WASEIN
All rights reserved

© Леенсон Е.И., перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

ISBN 978-5-907178-76-2

*Мине и Мицци, растущим быстрее,
чем я успеваю писать*

1. ХАКМАК С ОГРОМНЫМ ПАКЕТОМ

Финн косится на пустое место рядом и немножко волнуется, ведь он впервые один едет в поезде. Конечно, он сто раз говорил родителям, что справится. Но мама только твердила: «Вот будет тебе десять, тогда поедешь». Десять Финну исполнится через три недели и два дня. Но тут получился экстренный случай: папе пришлось срочно готовить котлеты из сыра тофу и черемши для одного экоотеля. Постояльцы там втридорога готовы платить, лишь бы их кормили здоровой едой вроде этих папиных котлеток.

В общем, от такого заказа не отказываются, и у папы совсем не было времени провожать Финна до Берлина, как обычно.

Папа позвонил маме, и они долго препирались. «А почему всегда я с ним еду? — не выдержал папа. — Ты и сама его можешь забрать!» И они с Финном уже стали опаздывать, так что пришлось как сумасшедшим нестись на вокзал в Нойштрелице*.

Региональный экспресс из двухэтажных вагонов уже стоял на путях. Папа ненадолго зашёл внутрь. На втором этаже мест было полно, и Финн тотчас уселся в начале вагона — там, где два кресла стояли напротив двух других кресел, а между ними был маленький столик. Папа обнял Финна, протараторил что-то типа «не бойся, всё будет хорошо» и поспешил к выходу. И как раз вовремя, потому что, едва он выбежал из вагона, двери захлопнулись и поезд тронулся.

А Финн и не думал бояться. Правда, в животе у него капельку ныло. Всё произошло так быстро, что он даже не успел как следует попрощаться. Папа ещё немножко пробежался рядом с поездом и помахал Финну, но вскоре исчез из вида.

* Нойштрелиц — небольшой немецкий город, от Берлина до него около 100 километров. *(Здесь и далее прим. пер.)*

Скрипят тормоза, и поезд останавливается на станции Фюрстенберг. Из громкоговорителя слышится: «Уважаемые пассажиры, будьте осторожны при выходе из вагонов».

Кто-то выходит, кто-то заходит. Финн видит в окошко, как какой-то тип с банкой в руке так торопится, что протискивается в вагон, хотя ещё не все вышли. Часы на станции показывают десять минут восьмого. Над вокзалом возвышается освещённая закатным солнцем башня на крепости. Правда, Финн знает, что это никакая не крепость, а фабрика по производству комбикормов. В ГДР* корм для животных производили в огромном количестве. Ему об этом папа рассказывал. Папа объяснил, что Германия раньше была разделена на две части — ГДР и ФРГ**, пока они наконец не объединились. Это произошло уже довольно давно, когда Финн ещё не родился.

Мужчина с банкой шумно поднимается по лестнице. На руке у него болтается огромный серый шуршащий

* После Второй мировой войны восточная часть Германии находилась в зоне оккупации СССР. В 1949 году было образовано отдельное государство ГДР (Германская Демократическая Республика). Жизнь и политическое устройство в ГДР зависели от политики СССР. Так продолжалось до 3 октября 1990 года, когда Восточная и Западная Германии вновь объединились.

** В ФРГ (Федеративную Республику Германию) со столицей в Бонне входили западные немецкие земли.

пакет. Финн думает, что это, наверно, уборщик, который ходит по вагонам и собирает мусор. Но тот и не думает ничего собирать, а вместо этого кидает пакет на кресло напротив Финна и усаживается рядом.

— Ну чё, малыш, всё зашибись?

Он расстёгивает молнию на спортивной кофте и поднимает банку.

— Ну чё, будь здоров! — говорит он, отхлёбывая.

Финн ощущает запах перегара, быстро отводит глаза и смотрит в окно. Он просто терпеть не может, когда его называют «малыш». Во-первых, он вовсе не маленький, а третий в классе по росту, а во-вторых, он-то ведь не может ответить взрослому дяде: «Старик, всё окей!» Хотя этот тип совсем не похож на обычного взрослого. Он широко расставил ноги и наклонился в сторону Финна; под кофтой видна застиранная майка с надписью «Хакмак». Может, его так зовут?

Финн продолжает его украдкой рассматривать. Странная причёска: сверху волосы длинные, а сбоку — короткие, и в ушах — огромные дыры с чёрными кольцами.

Хакмак ловит на себе взгляд Финна и расплывается в улыбке:

— Ты чё, один, без предков?

Финн поспешно кивает, стараясь не пялиться на его мочки. В них просто гигантские дырки, не меньше монеты. Кожа вокруг вся растянулась. Дико больно, наверно.

Но, похоже, Хакмака эти дырищи несколько не беспокоят. Наоборот, он выглядит ужасно довольным. Он делает ещё глоток, надувает щёки и громко икает.

— Сорян, брателло, — кривится Хакмак. — Это всё газы. Они должны выйти, иначе никак.

И хохочет. И этот его хохот сам по себе напоминает икоту.

На всякий случай Финн поближе придвигает рюкзак. Мама с папой сто раз ему говорили: если тебе кто-то не нравится, сразу звони. Но Финн только уныло кивал. Ну сколько можно! Он всё и сам прекрасно знает. Вечно эти взрослые волнуются!

Но сейчас он всё-таки решает проверить содержимое рюкзака. Всё вроде на месте. Телефон, кошелёк с билетом, ланч-бокс с папиными бутербродами. Финн достаёт телефон и смотрит на дисплей. Заставку он поменял совсем недавно — поставил фотографию Тепса. Сам его фотографировал, когда тот зевал. Зубы у Тепса как у саблезубого тигра.

Вообще Тепс — отдельная история. Мама взяла его из приюта, когда от них папа переехал. Всё-таки

иногда родители себя очень странно ведут. Сначала много лет никого нельзя заводить, а потом вдруг они разводятся — и раз! — вот тебе кот. Или у папы срочная работа — и раз! — ты один в поезде...

Финн кладёт телефон обратно и, потянув за бегунок в виде крокодильчика, закрывает рюкзак на молнию. Некоторое время он смотрит в окно на ломаную линию электропередач и вдруг слышит громкий щелчок. Это Хакмак надавил на банку, которая стоит на столике. Он смотрит на Финна, потягивается и зевает.

— Тут со скуки сдохнешь, а?

Финн снова молча кивает, но Хакмак не отступает.

— Может, в картишки перебросимся?

Достаёт из кармана колоду карт и ловко перекидывает её с руки на руку.

— Клёво, а? — улыбается Хакмак. — Ну чё, клювом не щёлкай, я те ща фокус покажу.

Он нагибается над столиком, так что Финн снова чувствует запах перегара, и заговорщицким тоном произносит:

— Прикинь, я могу колдовать.

Вытаскивает из колоды несколько карт и раскладывает их веером.

— Вишь четыре карты? Пиковый, трефовый, червовый и бубновый валет.

Финн равнодушно кивает.

— У них банда, нужно повернуть кой-какие делишки.

Хакмак складывает четырѐх валетов вместе и кладѐт рубашкой вверх на колоду.

— Значица, так, они на вертолѐте тайно приземляются на крышу Ка-Де-Ве...^{*} Это такой роскошный магаз, слышал? Ну так вот. Один обчищает первый этаж — украшения, очки, часы и прочие побрякушки...

Он снимает верхнюю карту и кладѐт её куда-то в колоду.

— Другой хапает нереально дорогое кожаное пальто из мужского отдела...

И Хакмак прячет в колоду второго валета, а потом проделывает то же с третьим.

— Третий тырит шикарный плоский телик. Ну а последний прѐтся в отдел жратвы и прямо там выпивает бутылку шипучки...

И он отправляет в колоду четвёртого валета.

^{*} Универмаг Ка-Де-Ве (сокращѐнно от нем. «Kaufhaus des Westens» — «Торговый дом Запада») — один из самых известных в Берлине. Этот магазин сам по себе превратился в городскую достопримечательность.

— Но вдруг — раз!

Хакмак высоко поднимает всю колоду и таращит глаза.

— Виу-виу-виу! Сигналка как заревёт. Уа-уа-уа! Менты едут. Надо валить!

Он лихорадочно хлопает двумя пальцами по колоде, как будто собирается предупредить спрятавшихся там валетов.

— И... раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять! Парни снова на крыше, садятся на вертолёт, и — фюить — только их и видели.

Тут Хакмак картинным жестом снимает четыре верхние карты и торжественно протягивает их Финну. И снова это оказываются четыре валета.

— Чё, обалдел небось?

Финн кивает. Хотя он вовсе не обалдел. Потому что знает этот фокус. Ему Карло показывал. Только не с Ка-Де-Ве, а с «Карштадтом»*. Карло — это его лучший друг. Они познакомились ещё до рождения, когда их мамы были беременны и вместе ходили на курсы, где рассказывают про роды. Мама говорит, что они одновременно начинали толкаться, как будто заранее

* «Карштадт» — сеть немецких универмагов, конечно, не таких шикарных, как Ка-Де-Ве.

договаривались. Наверняка так оно и было, хотя Финн ничего об этом не помнит. Зато фокус с валетами он помнит прекрасно. Там нет ничего сложного. Главное, когда раскрываешь веером четырёх валетов, незаметно достать из колоды ещё четыре карты и спрятать их за последним валетом. И когда кладёшь валетов обратно, именно эти карты должны оказаться наверху. Потом спокойненько засовываешь их в колоду, а валеты остаются сверху — их ведь никто не трогал. Правда, у Карло фокус не получился. У него один валет случайно упал, и Финн сразу всё понял.

Финн снова смотрит в окно. Солнце стоит совсем низко, и уже показалась луна. Белая и круглая, она висит в небе, как пицца без начинки. Неподалёку неспешно крутятся ветряки, мигая красными лампочками. Это чтобы пилоты их видели и случайно не врезались. Ветряки вырабатывают электричество. Папа говорит, что они приносят много пользы, потому что не загрязняют окружающую среду. Финну ветряки тоже нравятся. Он представляет себе, что это роботы с мигающими красными глазами. А руками они машут, потому что им скучно просто так стоять на одном месте.

Пока Финн смотрел в окно, Хакмак допил из банки, смял её и бросил на пол.

Поезд сбавляет ход. На бегущей строке в конце вагона загорается новая надпись: «Следующая станция — Гранзее». Хакмак берёт со стола карты и встаёт.

— Слышь, малыш, клювом не щёлкай, ща я те ещё один фокус покажу. На прощаньице. Просто отпад. Такого ты ещё не видел, точно те грю!

Он манит Финна рукой и при этом роняет колоду — карты разлетаются во все стороны и падают под столом и сиденьями.

— Чёрт! Чтоб их! — ругается Хакмак.

Он нагибается и поспешно собирает карты, выставляя на обозрение свою «попораму». Мама так всегда говорит, если у Финна сползают штаны и видна складка между ягодицами. Раньше Финна это очень смешило. Иногда он даже специально чуть-чуть спускал штаны, чтобы она так сказала. Но в последнее время стал стесняться. И на хакмакскую задницу у него тоже никакого желания нет любоваться. Финн опускает глаза и видит под столом десятку крестей. Нагибается, но, чтоб её достать, приходится хорошенько потянуться. Финн поднимает десятку, встаёт, и Хакмак одним рывком выхватывает у него карту.

— Спасибочки! Ты славный малыш!

И торопливо убирает колоду в карман. Так же быстро хватается пакет и закидывает его за спину, как мешок.

— Ну, кажися, всё. Глянь-ка, я исчезаю! Абракадабра...

Он машет рукой так, будто держит в ней волшебную палочку. И пятится к двери вагона, всё так же отчаянно жестикулируя. При этом он совсем не похож на иллюзиониста, который вот-вот исчезнет, а скорее — на однорукого пловца, плывущего в лодке по какому-то желе и гребущего одной рукой. Выглядит это не очень.

Поезд тормозит и останавливается. До Финна доносится свист открывающихся дверей. Хакмак добегается до лестницы, ещё раз машет, разворачивается и с грохотом бежит по ступенькам.

В окошко Финн видит, как он выходит из поезда, как бегом бежит по платформе со своим закинутым за спину объёмистым пакетом. Поезд снова трогается, и Хакмак пропадает.

Финн чувствует облегчение.

2. ПРОВОДНИК СОЗДАЁТ ПРОБЛЕМЫ

— Билеты, пожалуйста.

Только поезд отходит от станции, как на второй этаж поднимается проводник — в синей форме и красном галстуке. Финн тянется за рюкзаком, но тот куда-то исчез. То есть как это исчез?! Ведь только что он был здесь! Финн заглядывает под столик, потом растерянно оглядывается. Наконец встаёт на карачки и начинает ползать между сидениями. Но и там — ничего! Кроме сплюсненной банки.

Сверху слышится голос проводника:

— Эй, молодой человек, ты что, хочешь спрятаться?

— Не.

Финн быстро встаёт. Проводник сдвигает очки на самый кончик носа и очень строго на него смотрит.

— А где твои мама или папа?

— Э... я... еду один, — лепечет Финн.

— Тогда покажи свой билет.

Финна бросает в жар. Что делать? Он смотрит на проводника и сглатывает.

— Ну... э... он в рюкзаке.

— Так доставай его!

И проводник смотрит на него, как фрау Хеншке-Поль, когда Финн пишет «не» вместо «ни».

— Но я... не могу, — бормочет Финн, и ему сейчас наплевать, как правильно — «не могу» или «ни могу». — Понимаете, его тут нет, хотя он только что был здесь. Вот тут, на сиденье.

Проводник мрачнеет.

— Ну-ну, — тянет он. — Значит, был, а теперь нет? А куда ты едешь? И сколько тебе лет?

Финна прошибает пот. Ах, если б папа был сейчас рядом! Он бы сразу всё объяснил, и Финну не пришлось бы мучиться.

— Десять, — выдавливая из себя Финн. — Вернее, будет десять через три недели и два дня. Я еду в Берлин. К маме.

— А мама-то хоть об этом знает?

Что за глупый вопрос! Финн, конечно, кивает. Ещё бы ей не знать! Ведь она будет встречать его на вокзале.

Теперь весь вагон наблюдает за проводником, который волосатой рукой чешет свой лысоватый затылок.

— А у твоей мамы, хе, у неё небось и имя есть?

Финн снова кивает.

— Свеня.

— А фамилия?

— Лизь.

Проводник поднимает брови.

— Лизь?

Финн опять кивает. Не хватает ещё, чтобы проводник спросил: «Лизь — как слизь?» Так все спрашивают, как только слышат эту фамилию. Но проводник, слава богу, ничего не спрашивает.

— Ага, Свеня Лизь. Может, мы ей позвоним и спросим: а она вообще знает, что её сынок один путешествует?

Тут Финн спохватывается, что позвонить он не может — телефон ведь тоже в рюкзаке! И чувствует,

что вот-вот разревётся. Телефон был совсем новенький, и Финн на него сам заработал. Фрау Бухборн каждую неделю платила ему евро за то, что он приносил ей газеты из почтового ящика и выбрасывал пакет с мусором.

Пакет с мусором... И тут до Финна доходит. Ну конечно же, пакет! Теперь понятно, почему он стал таким огромным! Это всё Хакмак! Вот гад! Он специально рассыпал все карты! А когда Финн полез под стол, сунул рюкзак в свой пакет!

— Это всё тот тип с пакетом! — кричит Финн, волнуясь.

— Ага, тип с пакетом, — проводник тяжело вздыхает и смотрит по сторонам. — Но я не вижу здесь ни одного человека с пакетом.

— Конечно, не видите! Потому что он только что вышел, в Гранзее. Он вот тут сидел! — Финн умоляюще показывает на сиденье напротив. — У него ещё огромные дырки в ушах и на майке написано «Хакмак». Нужно срочно вызвать полицию! Его ещё можно догнать!

Но проводник качает головой.

— Сперва позвоним тебе домой.

Он достаёт из сумки служебный телефон.

— Надеюсь, ты номер хоть помнишь?

Финн снова кивает.

— Ноль, три, ноль... четыре... девять, один...

От волнения он начинает путаться:

— Э... девять, четыре, один, девять...

И запинается.

Проводник нервно опускает телефон и смотрит на Финна.

— Ну и?

Финн ничего не понимает... Он ведь отлично знает свой домашний номер! А тут вдруг раз — и вылетело из головы. Ну а мамин мобильник он ещё не выучил.

Внезапно подаёт голос женщина с короткими седыми волосами, которая сидит через два ряда от Финна:

— Да оставьте вы мальчика в покое! Совсем его запутали. Я заплачу за билет. Сколько он там стоит?

У Финна мелькнула надежда. Прежде он эту женщину даже не заметил. А она тем временем достаёт из кошелька десятку и протягивает проводнику. Но тот отмахивается.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Тогда зачем суётесь не в своё дело?

— Я просто хочу помочь!

— А кто понесёт ответственность?

— Ноль, три, ноль! — вдруг выпаливает Финн.

Он вспомнил телефон и быстро-быстро затараторил, пока цифры опять не выветрились:

— Ноль, три, ноль, четыре, девять, один, один, девять, четыре, девять!

Проводник набирает номер своим толстым указательным пальцем и вглядывается в экран телефона через очки.

— Ноль, три, ноль...

Финн кивает:

— Четыре, девять, один, один, девять, четыре, девять.

Проводник нажимает кнопку «Вызов» и подносит телефон к уху.

— Алло!

И, заткнув второе ухо, чтобы лучше слышать, произносит как можно громче:

— Алло! Кто говорит? Герр Ларифари?

У Финна камень упал с сердца. Это, наверно, Мухтар! Мамин новый друг, который частенько у них остаётся. Правда, фамилия у него не Ларифари, а Эльфадиль.

Проводник переходит почти что на крик:

— Ну вот, герр Ларифари, со мной тут мальчик, зовут...

И он вопросительно смотрит на Финна.

— Финн, — бормочет Финн.

— Ага, зовут, значит, Финн, я бы хотел поговорить с матерью...

Тут он делает небольшую паузу и ещё больше хмурится.

— Её нет? На каких ещё занятиях?

Ой, ну конечно! У мамы сейчас йога. Финн совсем про это забыл. Она прямо оттуда поедет за ним на вокзал.

Проводник слушает дальше, и его физиономия всё больше вытягивается.

— Так вы не отец? Значит, у вас нет родительских прав!

Тут до Финна доносится голос Мухтара. Он тоже повысил голос. Но проводник его перебивает:

— Слушайте, герр Ларифари или как вас там, вы не отец, и по закону никаких прав у вас нет! По крайней мере, по нашему немецкому закону.

Теперь Мухтар говорит по-настоящему громко. Настолько громко, что Финн прекрасно слышит слова «чинуша» и «бюрократ несчастный». Мухтар всегда использует изысканные выражения, даже когда

волнуется. Лицо у проводника делается красным, и он начинает орать:

— Какое право вы имеете меня оскорблять?! Жалуйтесь кому хотите, а со мной не смейте!

Он отрывает трубку от уха и с такой силой нажимает толстым указательным пальцем на красную кнопку, будто хочет продырявить телефон.

— Какая наглость! — говорит он, качая головой. И сразу же набирает другой номер. — Я звоню в полицию. Пусть сами разбираются.

Ну и хорошо, думает Финн. Он ведь даже просил вызвать полицию. Может, они ещё успеют выследить Хакмака!

Проводник глядит на часы.

— Они могут забрать тебя прямо тут, в Ораниенбурге.

Почему это в Ораниенбурге? Финн ничего не понимает.

— Но мне нужно в Берлин! Меня там мама будет ждать!

Ему становится совсем невмоготу. Женщина с седыми волосами злится не на шутку:

— Да вы с ума сошли! Разве можно вышвыривать ребёнка из поезда? Я же сказала, я заплачу за билет!

Но проводник стоит на своём.

— То, что у него нет билета, — ещё не самое страшное. Гораздо хуже, что я тут за него отвечаю. И если с ним что-то случится, у меня будут **ОЧЕНЬ** серьёзные проблемы.

— А что может случиться? Пока все проблемы только из-за вас, больше никаких проблем я не вижу!

Но проводник её не слушает и снова кому-то звонит.

— Говорит Пауцке, проводник. Региональный экспресс 4363. У меня тут мальчик, около десяти лет, без билета, один, без взрослых, едет в Берлин...

Он делает короткую паузу и поворачивается к Финну.

— Как ещё раз твоя фамилия?

— Лизь, — говорит Финн упавшим голосом. — Финн Лизь.

Проводник вопросительно глядит на него:

— Лизь — как слизь?

Ну конечно! Как же без этого! И Финн обречённо кивает.

— Да, Лизь — как слизь, — повторяет проводник. Он явно доволен. — Вот и ладушки. Я, значит, сниму его с поезда в Ораниенбурге. Если заберёте его прямо на перроне, то мы вовремя отправимся.

— Следующая станция — Ораниенбург. Выход справа.

За окном тянутся дома, заводские здания, заправки... Финн ничего не понимает. Проводник стоит с ним в дверях и крепко держит за рукав. Как будто Финн преступник. Хотя настоящий преступник вовсе не он, а Хакмак!

Вдруг Финну что-то приходит на ум.

— Я сейчас! — кричит он, вырывается и бежит по лестнице на второй этаж. Лезет там под сиденье, и — есть! Вот она, банка! А на ней — отпечатки пальцев этого Хакмака! По ним полиция его точно найдёт!

При виде Финна, который салфеткой держит банку и засовывает её осторожно в карман, проводник только качает головой.

— Быстрее давай! — фырчит он, хватая Финна за плечи и тащит к выходу.

3. ХЛОПКИ И ЩЕЛЧКИ

На перроне в Ораниенбурге поезд встречают двое полицейских: женщина и мужчина. Проводник торопливо подводит к ним Финна.

— Вот этот, — бурчит он.

Женщина высоченная, и всё у неё какое-то вытянутое, даже лицо. Мужчина, наоборот, маленький и кругленький, не выше Финна. Выглядит он так же чудно, как комиссар, которого показывают по телевизору. Про него ещё Мухтар говорит, что он никудышный актёр. Потому что Мухтар сам актёр. Один раз он тоже снимался в детективе. Играл беженца из Африки. Сначала этого беженца хотели выкинуть из страны, но потом

оставили в покое, потому что за него вступился комиссар. Мухтар бы с удовольствием сыграл и комиссара, но его приглашают только на роли беженцев или отрицательных персонажей.

Проводник передаёт Финна полицейским и возвращается в поезд.

Ну а дылда смотрит на Финна и спрашивает со смешком:

— Чё, удрал небось?

Финн качает головой. Он рассказывает обо всём, что случилось, показывает раздавленную пивную банку с отпечатками пальцев. Объясняет, что мама будет его ждать на вокзале, и ему обязательно нужно в Берлин, и поскорее.

Но полицейские пропускают всё это мимо ушей. Толстяк нервно глядит на банку и произносит неожиданно писклявым голосом:

— Опять эти с поезда нам свинью подложили!

«Визжит, как поросёнок», — думает Финн. Интересно, а что за свинью подложили им «эти с поезда».

— Ничё, разберёмся как-нить, — дылда кивает Финну, как будто хочет его утешить. — Тока прокатимся в отделение.

Полицейские ведут Финна через здание вокзала к полицейской машине.

Дылда открывает заднюю дверь, и Финн усаживается на сиденье. Толстяк втискивается на место водителя, и они трогаются.

Финн смотрит в окно. Закатное солнце подсвечивает проплывающие мимо дома. Он ещё ни разу не был в Ораниенбурге и ни разу не ездил в полицейской машине. Жаль, что толстяк не включил сирену с мигалкой.

Дылда на переднем сиденье разворачивает бутерброды.

— Бутеры хошь? — спрашивает она Финна. — У мя ещё пахта* есть.

И она протягивает ему пластиковый стаканчик. Финн энергично мотает головой. Он терпеть не может пахту, хотя только один раз пробовал. Это было у папы. Сначала он зажал себе нос и только потом глотнул, но всё равно ему очень не понравилось.

Дылда открывает запечатанный стаканчик и пьёт. Толстяк ведёт машину. В полицейской рации слышится треск. Потом раздаётся голос:

* Пахта — это кисломолочный напиток, который получается при производстве сливочного масла. В России его пить не принято, а вот в Германии он продаётся почти в каждом супермаркете.

— Пятьдесят первый-первый, Эйнштейн. Можете остановить семь машин?

— Эйнштейн, пятьдесят первый-первый, — говорит другой голос. — Диктуйте.

Финн задумывается: что это значит? Может, кто-то кого-то убил? Или ограбил банк? Но полицейские не обращают на рацию никакого внимания. Дылда жуёт бутерброд, а толстяк жалуется на судьбу.

— Вот я и грю, это ни фига не случайно. Стока совпадений. Чисто статистика, — пищит он.

— У всех бывает... — говорит дылда с набитым ртом.

— Не-е-е-е, у мя не как у всех, — перебивает толстяк. — Сначала будильник к чертям, потом шнурок на фиг, потом толчок засорился — и всё в один день!

Дылда проглатывает кусок и кивает:

— Короче, ты попал.

Финн беспокойно ёрзает на сиденье. Наверняка у мамы уже закончилась йога и она ждёт его на вокзале. Он представляет себе, как она одна стоит на перроне, как приезжает поезд, но там его нет. И мама не знает, что и думать, так она волнуется!

Но тут Финну приходит в голову, что у мамы, конечно, есть с собой телефон и, конечно, ей уже позвонил Мухтар, поэтому она хотя бы знает, что что-то

случилось. И она сразу позвонит папе... Конечно, мама скажет, что была против, чтобы Финн ехал один, и они опять будут ссориться. А ведь это очень обидно, потому что Финн и правда прекрасно может доехать один! Во всём виноват этот противный Хакмак! Просто свинья! Хотя нет, свинья для него — это ещё слишком мягко. Вообще-то Финну нравятся свиньи. Правильнее сказать: «Он просто комар!» Комаров Финн терпеть не может. Хотя для такого ворюги, как Хакмак, даже комар — слишком мягко.

Машина подъезжает к перекрёстку. Загорается жёлтый.

— Ничё, проскочим, — пищит толстяк и нажимает на газ.

Мотор ревёт, и машина делает рывок.

— Не проскочим! — рывкает дылда, трясая головой.

Прямо перед перекрёстком загорается красный. Толстяк изо всех сил нажимает на тормоз. Финн хватается за переднее сиденье, чтобы не упасть. Дылда старается удержать стаканчик с пахтой и кричит: «У-у-у-у-а-а-а-а!»

Машина как вкопанная встаёт у светофора. Дылда недовольно смотрит на толстяка.

— Я чуть не проли...

Но прежде, чем она успевает договорить, позади них что-то оглушительно визжит, и...

ХЛО-О-ОП!

Финн так пугается, что даже кричит...

...ну а полицейская машина подпрыгивает и с громким бульканьем приземляется, прямо как лягушка на воду. Потом всё стихает.

Полицейские молча сидят на местах. Дылда по-прежнему держит стаканчик, но он пуст. Булькающий звук получился из-за пахты, а не из-за лягушки. Жидкость из стаканчика поднялась вверх, как в замедленной съёмке, подлетела к ещё более вытянутой, чем обычно, физиономии дылды и прыснула ей прямо на форму.

«Как подтаявший снеговик», — думает Финн, глядя на дылду.

Наконец полицейские приходят в себя.

— Оба-на! — пищит толстяк, глядя в зеркало заднего вида.

Дылда делает глубокий вдох, извлекает из кармана куртки носовой платок и начинает вытирать им лицо. И только после этого оборачивается. Финн тоже смотрит назад. Прямо за ними стоит грузовик. На капоте — вмятина, а над ней поднимается белый дымок.

Из кабины выглядывают две физиономии с вытаращенными от страха глазами.

— Ну класс ваще, — говорит дылда нервно и ставит рядом стаканчик.

Толстяк фыркает и рывком открывает переднюю дверь.

— Ща он у мя получит! — пищит он и, громко охая, выкатывается из машины.

Дылда оборачивается к Финну.

— Ты в порядке?

Финн только пожимает плечами. Ну что на это скажешь? Какое там в порядке! Наоборот — всё только хуже и хуже! И ему срочно нужен воздух. Он бешено крутит ручку, и стекло медленно опускается.

Дылда тем временем вышла из машины и по-прежнему старательно оттирает форму платком. А толстяк уже стоит рядом с грузовиком, из которого выглядывают оцепеневшие от ужаса лица. Одно из них, как теперь может различить Финн, принадлежит мужчине, а другое — девочке со взъерошенными волосами. Их с Финном взгляды встречаются, девочка корчит гримасу и показывает Финну язык. Он быстро отворачивается, но тотчас снова смотрит на грузовик — интересно ведь, что будет дальше.

Толстяк жестами показывает водителю, чтобы тот опустил стекло.

Тут подходит дылда, и они вместе говорят о чём-то с водителем. Финн разобрал такие слова, как «безопасная дистанция», «признание вины» и «лишение прав». А потом раздаётся негромкий щелчок. Это открылась пассажирская дверь в кабине грузовика. Оттуда выскользнула девочка и пошла вперёд к полицейской машине, причём никто из взрослых ничего не заметил.

Девочка доходит до того места, где сидит Финн. Он быстро отворачивается, как будто никого не видит. Но девочку не так-то легко провести. Она засовывает руки в карманы штанов и разглядывает Финна сквозь открытое окно.

— Жвачку хочешь? — спрашивает она наконец.

Достаёт из кармана пачку, вытаскивает оттуда две пластинки и засовывает в рот.

— Нет, спасибо, — Финн качает головой.

Он ещё не решил, как с ней держаться. Сначала она показывает язык, а теперь как ни в чём не бывало предлагает жвачку. И всё-таки Финн украдкой поглядывает на её свалывшийся вязаный свитер. Девочка надувает пузырь, пока тот не лопается.

— Ты преступник? — спрашивает она.

— Не.

— Тогда почему ты в полицейской машине?

Финн только отмахивается.

— Всё равно не поймёшь.

— А что тут непонятного? Спёр небось чего-нибудь, вот тебя и поймали.

Финн снова качает головой.

— У меня просто билета не было. Я из поезда.

— Ага, — девочка понимающе кивает и снова надувает пузырь.

— Зайцем, значит, ехал, — изрекает она, когда пузырь лопаётся.

Финн закатывает глаза. Ну ясное дело, она ничего не поймёт!

— Это не из-за этого, — говорит он.

— А из-за чего?

— У меня в поезде украли рюкзак. Вместе с билетом, деньгами и новым телефоном.

На секунду девочка даже жевать перестала.

— Жесть! — восклицает она.

Финн кивает.

— Меня тут в отделение везут. Хотя мама ждёт меня в Берлине, на Центральном вокзале.

— А я знаю, где Центральный вокзал, — говорит девочка.

Она снова жуёт и раскачивается на носочках.

— Н-да, — тянет она, пожимая плечами. — Ну... если они тебя заграбастают, быстро не отпустят.

Финн окидывает её недоверчивым взглядом.

— А ты откуда знаешь?

— Так все говорят, у кого были проблемы с ментами. Взять хоть старшего брата Тимо из нашего класса. Они его два дня в психушке держали. Поэтому...

Но вместо того, чтобы закончить, она надует новый пузырь.

— Что поэтому? — переспрашивает Финн.

— Поэтому я бы очень подумала, прежде чем ехать.

Финн неуверенно косится на полицейских, потом снова на девочку. В психушку ему совсем не хочется.

— А что бы ты сделала?

— Хм-м-м, — снова тянет она, раскачиваясь на носочках. — Я бы удрала.

— То есть просто сбежала?

Девочка кивает.

— Я тоже сбегу, — обещает она.

— Но... — мнётся Финн. Может, она просто валяет дурака? Но девочка смотрит совершенно серьёзно.

— Всё лучше, чем в психушку, — говорит она, улыбаясь. — Да и до Берлина тут недалеко. Мне вот тоже позарез надо в цити.

Словом «цити» она называет сити*, то есть Берлин, и при этом делает такое лицо, как будто предлагает Финну самую крутую вещь на свете.

Но он всё сомневается.

— А если нас засекут...

— Тогда — в психушку. В общем, решай быстрее, пока они там лялякают.

Финн ещё раз смотрит на полицейских, которые протягивают водителю грузовика какую-то бумажку на подпись. В голове у него роятся мысли. Ему как можно скорее надо домой. Вообще-то полицейские должны были ему помочь. И проводник должен был, но не помог! До сих пор взрослые не только не помогли ему, но всё время мешали. И уж чего-чего, а в психушку он точно не хочет! Наверняка мама с папой его поймут.

Он снова смотрит на девочку.

— А что скажет твой папа? — и Финн показывает на грузовик.

* Сити (от *англ.* city) — большой город, а также деловой центр большого города.

Девочка презрительно выплёвывает жвачку.

— Он мне не папа. Ну что, бежим?

Потом всё происходит очень быстро. Финн тихонько приоткрывает дверь, вышмыгивает из полицейской машины и, пригнувшись, прячется за девочкой. Вместе они крадутся прочь от машины и уже успевают отойти на порядочное расстояние, как вдруг у них за спиной раздаётся вопль толстяка:

— Эй! Вы куда?!

И тут как по команде они начинают бежать. Финн несётся изо всех сил, ну а девочка мчится ещё быстрее — только пятки сверкают. Ботинки стучат по асфальту, волосы развеваются.

— Стоять! — гремит позади голос дылды.

Но дети и не думают останавливаться. Они теперь бегут вдоль домов. Финн задыхается. Девочка делает небольшую петлю и ныряет в какой-то проулок. Финн бросается за ней, и вот они уже оба в тёмной подворотне, окружённой высокой стеной. Такую не перелезешь.

— Ну класс! — говорит Финн, еле дыша. — И что теперь?!

Сзади приближаются шаги полицейских.

Девочка кивает на большой мусорный контейнер и откидывает крышку.

— Сюда!

Финн кривится.

— Что, прямо внутрь?!

— А куда ещё?!

Она лезет в контейнер, и Финн — была не была — прыгает следом. Девочка поспешно прикрывает крышку.

— Фу, какая гадость! — Финн зажимает себе нос.

— Тс-с-с, — шикает девочка и выглядывает в узкую щёлку под крышкой.

Финн смотрит туда же и видит полицейских, которые уже во дворе.

— Ща мы их сцапаем, если они тут, — пищит толстяк. И они с дылдой принимаются обыскивать двор.

«Только не в мусор! Только не в мусор!» — думает про себя Финн. И как раз в этот момент дылда замечает контейнер.

— Может, они там?

Оба подходят вплотную к контейнеру. Дети в ужасе переглядываются. Что делать?!

Выход один — спрятаться в мусоре. Нырнуть поглубже в пластиковые бутылки, чайные пакетики, пожухлые листья салата, баночки с высохшей краской, тубики

из-под зубной пасты, тухлые помидоры, яичную скорлупу, рваные кроссовки... И затаиться во всём этом на самом дне. Финн быстро прокапывает себе лаз в плотном слое мусора и вдруг чувствует, что влип во что-то мягкое. Как раз в этот момент крышка над ними приоткрывается, и в образовавшемся отверстии появляется лицо толстяка.

Финн старается не дышать и не шевелиться.

— Фи, как воняет! — пищит толстяк и быстрее захлопывает крышку. — Не, тут их нету.

— Чёрт! — ругается дылда. По голосу слышно, что она уже отошла от контейнера. — И чё, если мы их не найдём? Не, я серьёзно.

— Я те сразу сказал, шо они нам свинью подложили, — голос толстяка тоже удаляется. — Не, это ни фига не случайность. Это какая-то фигня!

Дети ждут ещё пару минут, и только когда снаружи всё совсем стихает, а значит, полицейские точно ушли, они выныривают из мусора и вылезают из контейнера. Девочка снимает с кудрей тёмно-бурую банановую кожуру. А Финн видит, во что влип: на руке у него болтается использованный детский подгузник — он приклеился липучками к куртке. Финн лихорадочно пытается его сбросить, но подгузник не поддаётся.

Девочка помогает его снять и, посмеиваясь, бросает обратно в контейнер.

— Эластико-фантастико! — восклицает она. — Мы от них избавились!

Это, конечно, о полицейских. Она вытирает о штаны руку и протягивает её Финну.

— Между прочим, меня зовут Йола.

Финн пожимает руку.

— А меня — Финн.

4. ПРОЖОРЛИВЫЙ ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ

— Вообще-то по-настоящему меня зовут Иоланта, — говорит Йола. — Но, по-моему, это имя больше подходит для взрослой тёти.

Финн и Йола идут по Ораниенбургу, который состоит из длинных улиц с совершенно одинаковыми домами. Они пытаются определить, в какую им надо сторону, и попутно рассказывают друг другу всякие важности. Например, что Йоле уже десять с половиной, хотя она почти на голову ниже Финна. Она во всех подробностях расспрашивает Финна о происшествии

в поезде, и ему в третий раз приходится рассказывать про Хакмака и карточный фокус, с помощью которого тот украл у Финна рюкзак.

— Ну надо же, прямо как в книжке... — удивляется Йола. — Про Эмиля и этого противного господина Грундайса.

И точно! Была такая книжка, называется «Эмиль и сыщики»*. Папа читал её Финну вслух, когда тот был совсем маленький и болел ветрянкой. Финн слушал с удовольствием. Особенно ему понравилось, что дети там намного умнее взрослых. Правда, кое-чего он не понял, потому что в книжке описывалась старая жизнь. Он даже хотел написать автору письмо по электронной почте, но папа сказал, что писателя давным-давно нет в живых и что эту историю он сочинил почти сто лет назад, когда не было ни электронной почты, ни даже мобильных телефонов.

Наверное, глупых проводников в то время тоже не было, которые ни за что ни про что могут выкинуть человека из поезда. Вместо того чтобы помочь, если кого-то обокрали.

* Эту книгу написал в 1929 году знаменитый немецкий писатель Эрих Кестнер. Мальчик по имени Эмиль, как и Финн, едет в Берлин один. В поезде он встречает господина Грундайса, который его обворовывает, но на этом приключения, конечно же, не заканчиваются...

Финн смотрит на Йолу, и ему опять становится не по себе. Может, это была не самая блестящая идея — просто взять и сбежать.

— Но Эмилю не пришлось искать дорогу в Берлин, — говорит Финн задумчиво.

— Ой, да это проще простого, — улыбается Йола. — Нужно просто всё время идти на юг. Так мы не потеряемся и придём напрямик в цити.

Финн кивает. Он знает — юг там, где солнце стоит в полдень, но сейчас уже смеркается, от солнца осталась только оранжевая полоска на горизонте.

— Солнце садится на западе, — Финн показывает на полосу. — Чтобы найти юг, надо повернуться влево на четверть оборота.

— Точно, — говорит Йола. — Значит, нужно брать немножко левее.

Но вначале надо позвонить. Финн просто обязан сообщить маме и Мухтару, что скоро приедет, чтобы они не беспокоились. Как назло, Йола забыла телефон в грузовике. Зато у неё есть с собой деньги. Она долго шарит по карманам и выуживает оттуда скомканные десять и пять евро, две монетки по пятьдесят центов и три по одному.

— Нужно найти телефон-автомат, — говорит она.

— Я по такому никогда не звонил, — признаётся Финн.

— Ничего, — успокаивает Йола. — Это как автомат с жвачкой. Только вместо жвачки там телефонная трубка.

Пока они ищут телефон, Финн расспрашивает Йолу, как это получилось, что грузовик врезался в полицейскую машину.

Оказывается, она родом из Фелефанца — маленького города неподалёку от Ораниенбурга. А когда-то, ещё до её рождения, её родители жили в Польше.

— Бабча и дядек до сих пор там живут, — говорит Йола.

Она объясняет, что по-польски это значит «бабушка» и «дедушка». У них в Цедыне* свой дом и хозяйство. А водитель грузовика — это её дядя Войцех. Он тоже из Цедыни, но работает в Германии бетонщиком, потому что тут можно намного больше заработать, чем в Польше. А в выходные он едет обратно домой.

— И меня, к сожалению, берёт частенько с собой, — вздыхает Йола.

— Ты что, не любишь бывать у бабушки и дедушки? — удивляется Финн.

* Цедыня — польский город, который находится рядом с немецкой границей.

— В общем-то, люблю. Но не так часто. Иногда мне там скучно. И я терпеть не могу Войцеха. От него пахнет потом, а ещё он жадный. Если он меня везёт, то мама платит ему двадцать евро за бензин, хотя он и так нехило зарабатывает на этих поездках. У него там куча всяких штук в багажнике.

— Каких ещё штук?

— Ну, старых стиральных машин, холодильников, посудомоек... Он потом продаёт всё это по дешёвке. Вот поэтому-то мы в вас и врезались.

— А какая тут связь?

— Грузовик так нагружен, что не может быстро тормозить. И нужно ехать очень осторожно и соблюдать дистанцию. Но Войцех всю дорогу ругался — кричал, что не потерпит жвачки в машине.

Тут Финн окончательно запутался.

— Он что, не любит жвачку?

— Его от одного слова воротит. Он кричал: «Фся мы-ыши-ина в этой чёртавай жи-и-ивачке!» И требовал, чтобы я всю упаковку выкинула в окошко, представляешь?

— Что, прямо с нежёванной жвачкой?

— Ну да, представляешь?! Вот поэтому-то он не смотрел вперёд и слишком поздно затормозил. Ой, там

такой грохот был в кузове! Наверняка все его посудомойки теперь всмятку!

Кажется, Финн понимает, почему Йола так хочет в «цити» и почему она сбежала от Войцеха.

— Если найдём телефон, ты тоже сможешь позвонить, — говорит Финн. — Чтобы твои родители не беспокоились.

— Ни в коем случае!

Финн удивлённо смотрит на Йолу, но она решительно мотает головой.

— Папа сразу примчится. И меня целый месяц не выпустят из дома.

— Целый месяц?!

Один раз Финна тоже так наказали. После того как они поиграли в ножички с Карло. Хотя они метали не настоящий ножик, а игрушечный, на двери осталось много маленьких дырок. Мама тогда такой крик подняла. И Финну пришлось целый день просидеть дома, хотя он и собирался играть в футбол. Но всё-таки это был один день, а не месяц!

Йола сбрасывает ногой камешек с дороги.

— У меня папа жутко строгий. Я один раз не убралась на столе, так он меня на две недели дома оставил.

— Ужас! — восклицает Финн.

Йола кивает.

— Он всё вечно контролирует и ко всему придирается. Поскорей бы мне исполнилось восемнадцать. Тогда я, как и моя старшая сестра, уеду из дома и буду работать водителем катафалка.

— Твоя сестра — водитель катафалка?

— Нет, Мальвина работает в доме престарелых. Но, по-моему, водитель катафалка круче. Чёрные машины такие клёвые. И без работы не останешься — кто-нибудь всегда умирает.

Финн косится на Йола. По его мнению, Йола и сама клёвая, правда, со странностями. Он ни разу не слышал, чтобы девочка мечтала водить катафалки. Хотя сейчас он и сам мечтал о машине, пусть даже о катафалке, только без трупа внутри. Ноги от долгой ходьбы просто отваливаются. И у него такое чувство, что они идут всё время по кругу. По крайней мере, этот перекрёсток они точно проходили.

— Не, — говорит Йола, — мы были на другом перекрёстке.

— Может, телефонов-автоматов вообще больше нет? — произносит Финн задумчиво. — Сейчас ведь у всех мобильники.

— Но кому-то телефоны-автоматы очень нужны, — возражает Йола. — Например, шпионам и вымогателям,

ведь по мобильнику их могут прослушать секретные агенты.

В этот момент они поворачивают за угол и... — о чудо! — видят впереди самый настоящий телефон-автомат! Металлическая колонна с небольшим козырьком сверху, на колонне — ящичек с кнопками и трубка. Телефон весь в каких-то надписях и царапинах. Но когда Финн снимает трубку, слышится гудок. Йола суёт в щёлку две монеты по пятьдесят центов. Монеты звякают и проваливаются. Финн набирает номер и прикладывает трубку к уху. Ждёт два гудка. Йола напряжённо прислушивается. Финн слегка наклоняет голову, сердце у него колотится. Раздаются ещё два гудка, потом — щелчок, и он слышит собственный голос: «Привет! Вы позвонили Свене и Финну. Нас нет дома, или нам просто неохота подходить. Можете что-нибудь прописать после сигнала».

Это он сам записал на автоответчик, и мама очень смеялась.

— Автоответчик, — шепчет Финн.

— Скажи что-нибудь, — так же тихо говорит Йола. — Ну, что всё в порядке и всё такое...

Раздаётся гудок, Финн откашливается и говорит: «Мам, привет, это Финн. Я просто хотел сказать, что

скоро приеду. У меня рюкзак пропал... Точнее, его украли... Поэтому проводник...»

Вдруг снова раздаётся щелчок, и в трубке слышится мамин голос:

— Финн! Господи, куда ты пропал?! — от волнения она с трудом переводит дыхание.

Финн хочет что-то ответить, но тут снова раздаётся щелчок и начинаются короткие гудки: пип-пип-пип...

— Не понял... — Финн беспомощно смотрит на трубку.

Йола изо всех сил давит на кнопку для возврата монет, заглядывает в пустой отсек для сдачи и наконец со всего размаха бьёт кулаком по колонне.

— Чёртов телефон! Всё съел! Хотя даже минуты не прошло!

Финн совсем растерялся. Одно ясно: монет больше нет, позвонить ещё раз не удастся. И надо же такому случиться, что как раз в эту секунду из-за угла показывается полицейская машина.

За ветровым стеклом Финн узнаёт два лица: круглое и длинное. Он быстро вешает трубку, хватается Йола, которая как раз хочет выйти из-за колонны, и кричит:

— Сматываемся!

5. ВСЁ ВРЕМЯ НА ЮГ

К счастью, полицейские их не заметили, и Йола решила, что лучше всего побыстрее смыться из Ораниенбурга. Они долго шли по дороге, и теперь вокруг лежат только поля и леса. Финн ковыляет следом за Йолой и размышляет: а вдруг они так и не дойдут до Берлина? Темнеет, и становится холодно. Сверху на них глядит похожая на пиццу луна. Просёлочная дорога всё время сужается и уже вся заросла травой.

— Стороны света можно определить даже ночью, по Полярной звезде — она всегда на севере, — говорит Йола.

Финн смотрит на усеянное звёздами небо.

— А если это не Полярная звезда, а какой-нибудь спутник? — спрашивает он.

Но Йола уверенно мотает головой.

— Никакой это не спутник. Полярная звезда всегда в одном и том же месте — над широкой стороной ковша Большой Медведицы.

Финн ещё раз внимательно смотрит на небо и бредёт дальше. Хочется есть. Все жвачки Йола они уже сжевали. Желудок у Финна совершенно пустой, в нём может поместиться любая звезда, даже Полярная. Финн вспоминает о ланч-боксе с папиными бутербродами с черемшой и сыром тофу и печально вздыхает.

— Как подумаю, что этот Хакмак уплетает мою еду, прямо дурно становится.

— Наверняка он ради этого всё и украл, — говорит Йола. — Вот кого нужно ловить, а не нас!

— Да уж, — кивает Финн. — Они даже не взглянули на банку с отпечатками пальцев!

— Всё равно он своё получит, — уверяет его Йола. — Когда-нибудь. Даже если его не поймают. Потому что есть высшая справедливость. Вот как с Войцехом, раз — и авария... Может, его собака покусает. Или он раком заболевает.

— Рак — очень плохая болезнь, — вставляет Финн. — От неё лысеют.

У фрау Бухборн с пятого этажа был рак, и она долго лежала в больнице. А когда вернулась, то стала носить парик. Финн это понял, потому что один раз, когда он отдавал ей газеты, парик у неё съехал, и мама ему всё объяснила. Про химиотерапию и всё такое. И ещё сказала, что от рака можно умереть.

Мысль о том, что Хакмак облысеет, приводит Йола в восторг:

— Круто! Ему тогда птички будут прямо на лысину какать!

Финн так и прыскает. Йола не выдерживает и тоже хохочет. И они оба так покатываются, что Финн валится на траву.

— Ой, больше не могу! — кричит он, задыхаясь. — У меня колики от смеха. И от голода.

Внезапно Йола щурится и смотрит куда-то вдаль.

— Кажется, я что-то нашла!

И показывает на какое-то покосившееся здание.

— Наверняка там есть еда! — кричит Йола и бежит вперёд.

Финн вскакивает и кидается за ней.

Когда они подходят поближе, лицо у Финна вытягивается. Здание явно нежилое. Стёкла выбиты, ворота покосились.

— Так себе местечко, — говорит он.

Йола принюхивается. В воздухе стоит крепкий запах навоза.

— Наверняка здесь раньше был свинарник, — заключает Йола и с любопытством осматривается.

Финн морщится.

— Будь я свиньёй, всё равно не хотел бы тут жить.

— Я тоже, — она упирается в створку ворот и пробует надавить. — Может, там что-нибудь есть?

— Что?

Внутри Финну совсем не хочется.

— Ну, вампир или какая-нибудь зомби-свинья, — Йола хрюкает и корчит страшную рожу. — Обожаю всякие ужасы.

Она со всей силой наваливается на ворота, и они чуть-чуть поддаются.

— Ну же, помоги мне!

Финн встаёт рядом с Йолой, и они начинают давить с удвоенной силой. С лязгом и скрежетом створка ворот катится по ржавой рельсе и наконец во что-то упирается. Дети вглядываются внутрь, и у Финна

перехватывает дыхание: перед ними и впрямь чудовище. Омертвевшими глазами оно уставилось на детей. В разинутой пасти зияет чернота. Финн вскрикивает. Но не от страха, а наоборот, от облегчения, потому что, немного приглядевшись, он понимает: страшная пасть — это всего лишь решётка радиатора, а глаза — обыкновенные фары. Чудище оказалось стареньким трактором.

Йола прыгает от радости:

— Шаппо-кляппо!

Вечно она со своими смешными словечками! Финн придирчиво осматривает трактор. Он весь во вмятинах, красная краска во многих местах облупилась, левое крыло проржавело.

— Старьё, — качает головой Финн. — Наверняка не на ходу.

Но Йола пришла в такой восторг, что её не так-то просто остановить.

— Это «Беларус»! Я-то знаю!

Она карабкается по заднему колесу, забирается на водительское кресло и смахивает рукавом пыль с панели приборов.

— Так... А теперь нам нужна проволока.

— Зачем?

— Как это зачем? Чтобы его завести!

Но Финн ничего не понимает.

— Разве можно завести трактор без ключей?

Йола кивает и выпрыгивает из кабины.

— Дядядек всегда так делает, когда денет куда-то ключи.

И она показывает на открытый моторный отсек.

— Это очень просто. Нужно соединить этот провод вон с той пипкой.

— Хм-м-м, — мычит Финн. — Но ведь дядядек заводит СВОЙ трактор.

— А мы его возьмём только на время, — говорит Йола и принимается искать что-нибудь наподобие проволоки. — Или ты хочешь идти пешком?

— Не, — Финн быстро мотает головой. — Я просто...

И совсем тихо, словно про себя, он говорит то, что бы его папа сказал:

— В общем... это не совсем корректно.

Даже если папа сто раз прав, усталость берёт верх. Мысль о том, что у них может появиться какая-никакая колымага, так заманчива, что все сомнения разом улетучиваются. Финн тоже озирается по сторонам, но разве в темноте что-то найдёшь? Тут он вспоминает, что вдоль просёлочной дороги тянется забор.

— Идея! — кричит он и выбегает из здания на дорогу.

Проходит несколько метров вдоль ограды и останавливается у одного из ветхих столбиков. Сверху столбик примотан к забору проволокой. Как раз на это Финн и рассчитывал. Он хочет схватиться за проволоку, как вдруг ему приходит в голову мысль — а что, если весь забор под напряжением? Как у папиных соседей. Как-то раз Финн случайно до него дотронулся — ощущение было такое, как будто кто-то огрел его дубинкой. Финн медлит, но всё-таки решает рискнуть. Зажмуривается и быстро-быстро трогает проволоку. Ничего. Никаких тебе дубинок. Осмелев, он берётся за торчащий край проволоки, но тотчас отпускает. Что-то его обожгло. Но на этот раз просто крапива. Стараясь не касаться крапивы, Финн гнёт проволоку в разные стороны, пока она не ломается. И Финн бежит к Йоле.

— Вот! — он издали машет в воздухе куском проволоки.

— Отлично! — хвалит его Йола. — Внутри бы мы всё равно ничего не нашли.

И она ещё раз объясняет Финну, как «вот этот провод» нужно соединить проволокой «вон с той пипкой». А сама забирается на водительское сиденье.

— На счёт «три»! — кричит Йола и вцепляется в руль. — Раз, два... три!

Финн прикладывает проволоку куда надо. Вспыхивает искра. Мотор фыркает, дёргается и сразу глохнет.

— Заводится! — кричит Йола с восторгом. — Давай снова: раз, два, три!

Финн проделывает всё ещё раз, но с тем же результатом: трактор подскакивает, дёргается и снова затихает.

Он задумывается. Когда они с мамой навещали дедушку Клауса, тот иногда разрешал Финну порулить. Конечно, не самому, а у него на коленках. И не на настоящей дороге, а на парковке у «Альди»*. Финн крутил руль, а дедушка нажимал на педали. Вот поэтому-то Финн и знает, что без педалей машина не поедет. Дедушка всегда говорил одно и то же: «Сцепление, ключ, передача».

— Наверняка дело в сцеплении! — кричит Финн. Йола кивает.

— Я тоже об этом подумала.

Она ещё крепче держится за руль и выставляет левую ногу как можно дальше вперёд, стараясь достать до педали.

* «Альди» — сеть продуктовых супермаркетов в Германии.

— Давай ещё раз со сцеплением!

Финн снова берётся за проволоку. Опять пробегает искра, мотор тарахтит, выхлопная труба чихает, выплёвывает облачко густого чёрного дыма, мотор ревёт и с грохотом заводится.

Йола ликует.

— Ну, что я говорила! А теперь — по местам! Мы ЕДЕМ в Берлин!

Но Финн, который всё ещё стоит рядом с подпрыгивающим трактором, медлит. Дедушка всегда говорил, чтобы он не вздумал ехать один. Вообще машину можно водить только с восемнадцати, и то если у тебя есть права.

Но на Йолу эти аргументы не действуют. Трактор — это же не машина! И ездить на нём проще, чем на велосипеде. В деревнях все дети водят трактор. ВСЕ! Без них бы сельское хозяйство давно загнулось. Просто нельзя использовать детский труд. Дело не в том, что дети не *могут* водить трактор, а в том, что им *приходится* работать водителями, вместо того чтобы играть.

Финн снова кивает. Ну что скажешь — Йола совершенно права. Если другим детям можно водить трактор, то почему им нельзя? И он тоже забирается в кабину и усаживается с ней рядом.

— Поехали, — машет рукой Финн.

Йола сияет. Она снова хватается за руль, выставляет вперёд левую ногу, выжимает сцепление и командует:

— Первая передача!

Финн дёргает за ручку, фиксирует её в нужном положении и кричит:

— Есть первая передача!

Йола медленно отпускает педаль — чтобы сцепление схватилось. Трактор делает движение вперёд, и они ЕДУТ!

6. У ВАС ЕСТЬ ЧТО-НИБУДЬ ВЕГЕТАРИАНСКОЕ?

Йола изо всех сил держит руль, и они попадают точно в ворота, даже ничего не задев. С грохотом выскакивают на бетонные плиты перед ангаром и наконец выезжают на просёлочную дорогу — чтобы вписаться в поворот, Йоле пришлось хорошенько крутануть руль.

— Видишь, как просто?! — орёт Йола, стараясь перекричать мотор.

Финн кивает. Находит рычажок для включения фар, и глубокие борозды просёлочной дороги заливает жёлтым электрическим светом.

— Полный вперёд! — кричит Йола.

Нажимает на газ, и мотор шумит так, будто хочет выпрыгнуть наружу.

— Вторая передача! — вопит Финн.

Йола отпускает газ и выжимает сцепление. Финн снова хватается за ручку и выставляет вторую передачу. Так они добираются до третьей передачи, а потом и до четвёртой. Постепенно их движения становятся более плавными и слаженными, и трактор резво катит прямо в ночь.

— Я дам тебе порулить, — обещает Йола. — И покажу, как это делается.

Финн молчит, а про себя думает, что и сам прекрасно знает, как это делается.

Вскоре просёлочная дорога превращается в нормальную трассу, а ещё через некоторое время фары освещают большой жёлтый указатель, рядом с длинной чёрной стрелкой надпись: «Берлин 55 км».

Финн и Йола радостно переглядываются. Они на правильном пути! Они ЕДУТ в Берлин!

Потом за руль садится Финн. Управлять трактором и правда не так уж и сложно. Вскоре он уже чувствует, насколько сильно надо крутить руль, чтобы входить в поворот. Йола с довольным видом следит за спидометром.

— Идём со скоростью 25 километров в час, — говорит она деловито.

Финн подсчитывает — если они и дальше будут так ехать, то через два часа окажутся дома. Он представляет себе радостные лица мамы и Мухтара, когда они увидят их с Йолой на тракторе. Вот они удивятся! И если повезёт, то ещё и подарят ему что-нибудь.

Впереди над деревьями они видят звезду, которая светит намного ярче других. Но это не Полярная звезда и даже не спутник, потому что по форме она напоминает гамбургер, окружённый венцом из золотисто-жёлтой картошки фри. Светящийся рекламный щит установлен высоко на столбе, чтобы голодные путники, вроде Финна с Йолой, увидели его ещё издали.

— Ура! — радуется Финн. — Тут можно подкрепиться!

И он сворачивает в сторону закусочной, а Йола достаёт из кармана две мятые купюры и тщательно их разглаживает.

— Пятнадцать евро! Нам хватит!

Финн кивает:

— Главное, чтобы у них было что-нибудь вегетарианское.

— Ты что, не любишь мясо? — удивляется Йола.

— Люблю. Но всё равно я его больше не ем, потому что не хочу, чтобы животные умирали.

— Но они всё равно умрут... Когда-нибудь.

— Да, но это от старости, а не потому, что их убили.

— А некоторых съедают другие животные. Например, крокодилы, акулы или львы...

Финн снова кивает.

— Тогда они хотя бы умрут не из-за меня. К тому же сосиски и котлеты можно делать и без мяса.

— Но они не такие вкусные!

— У папы очень вкусные. У него даже один отель их покупает.

— Значит, твой папа почти что мясник?

— Вообще-то он программист. Ну... который сидит за компьютером... Но у него кризис, так что он больше не может видеть эти компьютеры. Вот он и стал делать всякие штуки из сои. Котлеты, сосиски, шницели... Теперь он даже этим зарабатывает.

— Забавно, — улыбается Йола. — Колбасно-соевый программист-вегетарианец.

Они подъезжают ближе к закусочной, и Йола показывает Финну на стрелку, над которой написано: *Drive-in*. И хотя Финн учит в школе английский, этого слова он ещё не знает.

— Это значит, что можно заехать туда и заказать еду прямо из машины, — объясняет Йола. — И тут же всё съесть.

— А, ну это как *Kaffe-to-go*.

Мама иногда покупает так кофе, чтобы проснуться, когда везёт Финна в школу. Мухтар ещё всегда над ней подшучивает — спрашивает: а этот кофе-то-го привозят из Того (это такая африканская страна)? В таком случае должны быть кофе-каме-рун и кофе-эфи-опия.

Финн поворачивает по стрелке, и они оказываются за одноэтажным зданием. На голой кирпичной стене прилеплен небольшой нарисованный домик с открытым окошком, а в окне сидит великанша. По крайней мере, великаншей она кажется на фоне домика, потому что полностью его заполняет. Над головой у неё совсем немножко места для маленькой зелёной кепки, кое-как натянутой на кудрявые волосы; кепка напоминает крохотную лодчонку в огромном бушующем море. Увидев трактор с Финном и Йолой, великанша машет руками.

Финн переносит ногу с газа на тормоз и выжимает сцепление. Трактор останавливается метра на два дальше окошка, из которого выглядывает удивлённая великанша.

— Чёрт, где тут задний ход? — спрашивает Финн, лихорадочно дёргая за ручку передач.

Йола ставит ручку в новое положение, Финн выжимает сцепление, трактор откатывается назад и снова останавливается — на этот раз метра за два до окошка.

Йола высовывается из машины и, стараясь перекрыть мотор, отчеканивает:

— Нам на пятнадцать евро! И что-нибудь вегетарианское! И to-go!

Финн ещё раз нажимает на газ. Трактор снова делает рывок и на этот раз останавливается прямо перед окошком. Великанша качает большой головой, так что маленький микрофон у её рта дрожит.

— Ты, эта-само, ездить сперва научись, а потом уж заказывай! — слышится из громкоговорителя над окошком. Голос великанши звучит как из колодца. После чего она вся высовывается из окна и вперивается в Финна.

— Чёт я не пойму, — великанша усиленно моргает, словно хочет проверить зрение. — Откудова у ты трактор? У ты ишо молоко на губах не обсохло!

Йола строит серьёзную мину и, прочитав светящуюся надпись под окошком «Вас обслуживает фрау Шипляй», говорит:

— Слушай, ты, фрау Шипляй. У нас нет времени болтать. Нам ещё сегодня нужно в цити.

— Это на этой-то штуковине? — великанша показывает пальцем на трактор. — Не, вы чё на нём, до Берлина хотите?

Йола кивает и делает рукой такой жест, который всегда делают взрослые, когда хотят сказать что-нибудь важное.

— Вы не ошиблись, многоуважаемая. Ну а теперь можем мы наконец сделать заказ?

Финну кажется, что «многоуважаемая» звучит чуть-чуть старомодно. Но Йола явно входит во вкус. Она протягивает великанше две бумажки и говорит:

— Мы платим наличными. Скидок не надо.

Но вместо того чтобы взять деньги, великанша качает кепкой, нажимает на кнопку и гундосит прямо в микрофон:

— Двое детей.

Отпускает кнопку, и её голос дребезжит уже в громкоговорителе:

— Значица, так, я угощу вас чем-нить из детского меню — просто у мя сёдни хорошее настроение. Ну а вы немедленно вылазьте из этой штуки, я позволю вашим мамочкам, чтобы они вас забрали. Ясно?

Она берёт два свёртка из коричневой бумаги, которые словно по мановению волшебной палочки очутились рядом, и протягивает детям.

Йола берёт оба свёртка и сочувственно улыбается.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны. Но мы правда ужасно торопимся. Чао, многоуважаемая!

Она машет Финну, тот выжимает сцепление, и трактор трогается. Фрау Шипляй высовывается из окошка и бешено машет руками. Так, что даже кепка слетела с головы.

— Вы чё, совсем сбрендили? — вопит она. — А ну вылазьте!

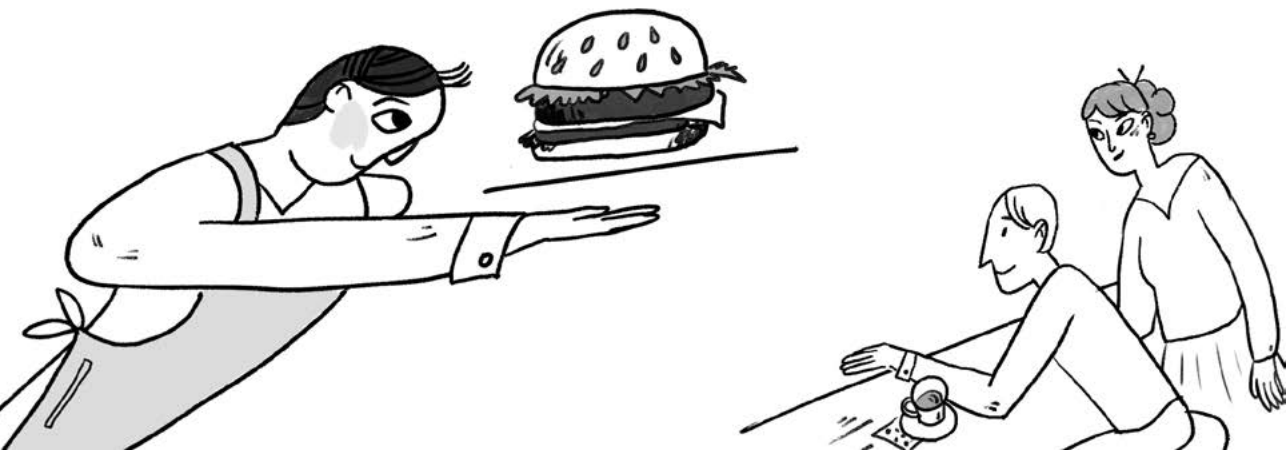
Финн сильнее давит на газ, из выхлопной трубы валит чёрный дым, и трактор заметно быстрее отдаляется от окошка.

Йола оборачивается, машет рукой и кричит:

— Только не очень-то шипите, фрау Шипляй, не то вас ждёт большой нагоняй.

Финн хохочет.

— Сопляки несчастные! — воеет великанша, и это последнее, что они слышат. Вскоре и она, и маленький домик становятся совсем крошечными и наконец вовсе исчезают из вида.

7. ДУШ ИЗ КЕТЧУПА И СТОГ СЕНА

Трактор стоит с выключенными фарами на просёлочной дороге, в нескольких метрах от шоссе. Финн и Йола специально встали так, чтобы их не было видно с дороги, — вдруг великанша всё-таки вызвала полицию и их теперь везде ищут.

Луна отбрасывает тусклый свет на поле. Финн и Йола сидят друг напротив друга на крыльях задних колёс трактора. Между ними на сиденье разложено содержимое свёртков. Они честно поделили всё на вегетарианское и невегетарианское. Картошка фри и верхние

половинки булок от бургера пошли Финну, а нижние половинки с котлетой — Йоле. Плюс каждому досталось по стакану газировки и космическому роботу, которые тоже были в свёртках. Финн попросил разрешения взять робота с телескопической рукой, потому что его друг Карло собирает космических роботов и как раз такого у него ещё нет. Ну а Йоле было всё равно, какого робота брать. «Главное, — сказала она, — что наконец-то можно поесть!»

На еду они набросились как два изголодавшихся зверя. В первые минуты ничего не было слышно, кроме чавканья, бульканья и хлюпанья.

Финн и Йола помогают себе руками и время от времени отхлёбывают газировки через соломинку. Обоим кажется, что ничего вкуснее они в жизни не ели.

Финн запрокидывает голову и высыпает в рот изрядную порцию картошки фри.

— Офофаю кафтоффу фффи! — говорит он с набитым ртом, и у него изо рта сыплются крошки.

— А я — бургеры! — выпаливает Йола. Лицо у неё в кетчупе — она слизала весь кетчуп с бургера, а чистую булку нахлобучила на голову, так что стала похожа на великаншу в кепке.

— Фрау Шипляй, вас ждёт нагоняй! — хихикает Йола.

Финн так и прыскает со смеху, и у него изо рта снова летят кусочки хлеба и приземляются на водительском сиденье. Финн берёт робота, накаливает на его телескопическую руку пару крошек с сиденья и отправляет их обратно в рот.

— Фрау Шипляй, — смеётся он. — А я фобот-обфофа... Фёлк-фёлк...

— А я пьющий робот... Ам-ам... — и Йола насаживает своего робота на соломинку. Она надавливает на стаканчик, и из соломинки брызгает фонтан газировки, а робот падает вниз.

Финн хохочет. Йола ещё раз нажимает на стаканчик, и оттуда бьёт новая струя.

— Берегись! — кричит Йола. — Газированный душ!

Финн пытается поймать ртом тоненькую струйку, потом берёт пакетик с кетчупом и тоже на него нажимает.

— Берегись! — кричит он. — Душ из кетчупа!

Кетчуп брызгает Йоле в лицо. Она покатывается со смеху, а Финн думает, в какой бы ужас сейчас пришёл папа, если бы их увидел. Папа терпеть не может неаккуратность в еде. Все эти пятна и крошки... После каждого приёма пищи он ползает под столом и собирает крошки, и при этом, как говорит мама, делает «мученическое лицо». Однажды она подарила

ему на день рождения маленький пылесос. Папа был в восторге. Тогда они ещё были вместе. А на следующий день рождения папа переехал в другую квартиру. Вместе с пылесосом. Теперь у папы и мамы разные столы, под которыми можно сорить или пылесосить сколько им вздумается.

Йола пробует ещё раз устроить газированный душ, но стаканчик пуст. Из соломинки только дует воздухом. От долгого смеха у Финна разболелся живот. Он зевает. Голод его больше не мучит, и Финн чувствует, какими тяжёлыми вдруг стали ноги. От всех волнений и от долгой ходьбы... Он так устал, что готов уснуть прямо на месте. Финн смотрит на ночное небо и снова зевает.

— Интересно, сколько сейчас времени?

— Наверно, очень поздно, — говорит Йола и тоже зевает.

— Нам ещё не меньше двух часов до Берлина, — вздыхает Финн.

Йола качает головой.

— Нужно где-то переночевать.

Финн вглядывается в тёмный пейзаж. Переночевать? Но где? Неужели придётся спать под открытым небом, где на них могут напасть дикие звери? И что

мама подумает, если он так и не вернётся до утра? С другой стороны, он чувствует, что просто не в состоянии ещё два часа не спать, не говоря уж о том, чтобы вести трактор.

Рядом с просёлочной дорогой раскинулось поле со стогами сена. В лунном сиянии они напоминают гигантские маршмеллоу. За полем начинается лес, а перед лесом виднеется охотничий лабаз — небольшая хижина на дереве.

— Может, переночуем в хижине, наверху? — предлагает Финн.

Йола радостно кивает.

— А трактор оставим под деревом, — подхватывает она. — Чтобы его никто не угнал.

Она прыгает на водительское сиденье и протягивает Финну проволоку. Тот слезает с колеса и вновь соединяет провода. Мотор ревёт, Йола включает передачу и отпускает сцепление. Но делает она это резковато — машина дёргается, Йола не справляется с управлением, отпускает руль, скатывается за сиденье и хватается за спинку, чтобы не упасть. Ну а трактор с грохотом катит куда-то в сторону.

— Сто-о-оп! — орёт Финн.

Йола, которой удалось снова вскарабкаться на сиденье и схватиться за руль, судорожно пытается нащупать ногой педаль тормоза.

— Да остановись ты, дубина! — вопит она.

И трактор тотчас останавливается, как будто её слышит. Он делает рывок, так что Йола бросает на руль, и встаёт как вкопанный.

Несколько секунд Финн и Йола молчат.

— Ты в порядке? — спрашивает Финн, который наконец снова обрёл дар речи.

Йола растерянно смотрит вниз. Под передними колёсами вдруг оказалась огромная яма. Трактор угодил в заросшую канаву у дороги.

— И как он сюда попал? — ворчит Йола, вылезая из кабины.

— Главное, ты цела, — Финн улыбается. — Кстати, это было забавно.

— Спасибоочки, — бурчит Йола.

Она хватает педаль сцепления, которая болтается высоко в воздухе, и трясёт. Ничего. Тогда Йола изо всех сил давит на педаль. Трактор не сдвигается ни на миллиметр.

— Чёрт! Застрял!

— Зато его теперь никто не угонит, — утешает её Финн.

Но Йола глядит на шоссе и только качает головой.

— Когда наступит утро, его будет видно. Полиция нас сразу найдёт.

Финн кивает. Йола права. Они оглядываются — что бы такого придумать? Смотрят на круглые стога сена, и тут им обоим приходит кое-что в голову. Не сговариваясь, они вскакивают и бегут.

Оба останавливаются у ближайшего стога, который почти вдвое их выше. Хватают его руками и начинают толкать. Сено колет кожу. Стог легонько раскачивается, но дальше дело не идёт. Тогда Финн поворачивается к нему спиной, изо всех сил упирается ногами в землю, напрягает все мускулы и давит. И стог действительно капельку сдвигается. Рядом встаёт Йола, и они вместе наваливаются на стог. Только теперь огромный соломенный монстр потихоньку начинает катиться по неровной почве. Финн и Йола совершенно выбиваются из сил. С виду-то поле плоское, но у Финна такое чувство, будто они идут только в гору. Наконец, выбравшись из особенно глубокой борозды, стог сам собою покатился по полю. Сперва медленно, потом

быстрее, ещё быстрее... Сено в нём хрустит, словно посмеиваясь.

— Йуху-у-у-у! — Финн и Йола бегут рядом с гигантским шаром, который безо всякой посторонней помощи катится вперёд. В какой-то момент кажется, что стог может пройти мимо трактора. Но, к счастью, его останавливает та же канава, в которой застрял трактор. Стог закатывается в неё, как шарик в лунку, но не целиком — больш́ая его часть торчит над полем и прекрасно маскирует трактор, который теперь совсем не видно с шоссе.

— Bay! — кричит Йола и, довольная, смотрит на Финна. — Я всегда говорила: немцы — замечательные укладчики сена!

— Наверное, лучшие в мире, — соглашается Финн.

8. ДИКИЙ ЗВЕРЬ ЖЕЛАЕТ СПОКОЙНОЙ НОЧИ

По дороге к лабазу Финн набирает две большие охапки сена.

— Это вместо подушки, — поясняет он, засовывая сено под куртку.

— Отличная мысль, — одобряет Йола и тоже кладёт под свитер пучок сена.

— Ты похож на объевшееся огородное пугало, — хихикает она, показывая на толстый живот Финна.

— А ты — на старую дырявую подушку, — и Финн вытаскивает из Йолиного свитера соломинку.

Так они бредут по полю с надутыми животами и слушают, как тихонько шуршит сено у них под одеждой. Они уже почти у цели, как вдруг Финн останавливается, хватая Йолу за рукав и всматривается куда-то вдаль.

— Там кто-то есть, — шепчет Финн.

Теперь Йола тоже что-то видит. Очертания какого-то зверя, похожего на гигантскую собаку. Зверь стоит неподвижно. В темноте сверкают два глаза. Лохматая шерсть отливает серебром.

— Кто это? — спрашивает Финн еле слышно. Уж больно жутко верить в то, о чём они оба подумали.

Йола не произносит ни звука и только кивает. Финн боится шелохнуться. А зверь просто стоит и смотрит на них своими блестящими глазами. У Финна в голове вертятся разные мысли. Папа рассказывал, что в последнее время в Бранденбурге снова завелись волки, но Финн ещё их ни разу не видел. Он спросил, едят ли волки людей, но папа сказал, что это только в сказках, а в жизни они едят кроликов, зайцев и косуль, иногда ещё овец.

Финн с опаской поглядывает на зверя, а тот, словно в ответ, раскрывает пасть и тихонько рычит. Финн невольно хватая Йолу за руку, и она крепко сжимает

его ладонь. Пальцы у Йолы холодные. Папа рассказывал, что волки по запаху чувствуют страх и что они сами очень боятся людей. Но, похоже, этому волку вовсе не страшно. Он преспокойно смотрит на детей своими янтарными глазами. И вдруг задирает морду и воет — долго и протяжно: «О-О-О-О-О-О-У-У-У-У-У-У-У-У-У!»

И от этого веет такой печалью и таким одиночеством, что Финну даже становится жалко волка, который один-одинёшенек стоит тут в лесу, без друзей и родных. Какое счастье, что Финн не один и что можно держать Йолу за руку. Похоже, Йола думает так же, во всяком случае, она по-прежнему не отпускает руку Финна.

— О-О-О-О-О-О-У-У-У-У-У-У-У-У-У! — снова воет волк. Он встряхивает головой, поворачивается и неспешно трусит в сторону леса. Ну а дети так и стоят, боясь пошевелиться, пока он совсем не пропадает в тёмной лесной чаще.

Йола быстро отпускает руку Финна.

— С ума сойти! — выдыхает она. — Мы видели настоящего волка!

Финн кивает.

— Мне кажется, он хотел пожелать нам спокойной ночи.

Потом они устраиваются рядышком в маленьком деревянном домике на дереве, смотрят через оконный проём на ночное небо и прислушиваются к звукам леса. Им очень уютно, ну, может, капельку жутковато.

Куртка Финна служит им одеялом. Сено под ними тихонько похрустывает. Финн смотрит на Йола, которая лежит рядом с открытыми глазами, заложив руки под голову, и жуёт травинку.

— Слушай, Йола... — говорит Финн.

— Да?

— Думаешь, мы правда доберёмся до Берлина? Я имею в виду — сами?

— Конечно! — Йола поворачивает голову и смотрит на Финна. — А почему бы и нет?

— А вдруг мы не сможем вытащить трактор из канавы? Или он вообще сломался...

— Трактор так просто не сломаеться, — Йола выплёвывает травинку. — Тракторы часто застревают — в поле это обычное дело.

Остаётся только надеяться, что Йола права. Финн зевает, закрывает глаза, но они почему-то сразу открываются. У Финна так бывает. Особенно когда он устал. Вместо того чтобы спать, он думает. Финн прислушивается. Вокруг полно всяких звуков — какие-то

шорохи, потрескивания... Он мысленно представляет себе свою комнату с удобной кроватью-чердаком. Маму, которая забирается к нему по лестнице, чтобы пожелать спокойной ночи. Сейчас, пожалуй, он бы даже дал себя обнять, хотя вообще-то терпеть не может все эти нежности.

Наверняка мама сейчас места себе не находит. Конечно, он не в первый раз ночует не дома. Иногда остаётся у Карло. А иногда они с классом куда-нибудь едут. Но тогда мама точно знает, где он. Один раз они уехали аж на пять дней. Ночевали в хостеле, где был только чай с фенхелем и в комнате пахло грязными носками. Финн там тоже не мог уснуть, и фрау Хеншке-Поль сказала, мол, ничего удивительного, это он скучает по дому.

Финн снова глядит на Йолу, которая тихо лежит рядом и ровно дышит.

— Йола? — тихонько зовёт он. — Ты уже спишь?

— А? — бурчит Йола.

— Ты когда-нибудь скучала по дому?

— По дому? — бормочет Йола. — Не-а. А зачем?

— Потому что вдруг страшно захотелось домой. Там твоя комната, кровать, родители...

— Никогда! — Йола открывает глаза и удивлённо смотрит на Финна. — Ты что, скучаешь по родителям?

Финн ничего не отвечает, но чувствует, как от этих мыслей перехватывает горло. Только бы не зареветь! Он быстро закрывает рукой лицо, чтобы глаз не было видно.

Некоторое время Йола молчит. Потом начинает тереть его за рукав.

— Эй! — зовёт Йола, и её голос звучит очень мягко. — Ты хочешь домой?

Финн отрывает руку от лица и мотает головой.

— Не, — говорит он, чувствуя, что ком из горла уходит. — Мне просто показалось, а сейчас всё прошло.

9. КЛЯТВА В ВЕЧНОЙ ДРУЖБЕ ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ

З-з-з-з-з-з-з-з... Финн морщится и открывает глаза. Прямо у него перед носом жужжит большая жирная муха. Он садится. Йола ещё спит. Финн выглядывает в оконный проём. Солнце стоит низко над полем. Трактор торчит в той же канаве, где они его вчера оставили. Никаких волков нет и в помине, зато прямо у стога сена стоят две косули. Финну вспомнилось: «Рядом в лесу пара косуль». Это его Мухтар научил, чтобы Финн чётко выговаривал «р» и «л»: «**р**ядом в **л**есу **п**ара **к**осу**л**ь». Мухтар ведь актёр, а у актёров

должна быть отличная дикция. А если держать во рту пробку, то выговорить ещё труднее — получится: «Вадом в лефу пава кафуль».

— Уа-а-а-а, — Йола тоже проснулась и тянется.

— Смотри, — Финн показывает на косуль.

Йола садится. Её включенные волосы все в соломе. Щурясь, она смотрит в окошко. У одной из косуль видны небольшие рога.

— Хорошо, что волк ушёл, — говорит Йола заспанным голосом и пытается стряхнуть солому с волос.

Косули наострили уши, словно что-то услышали, и медленно направляются к лесу. В конце концов они скрываются за деревьями.

— Эх, где бы раздобыть завтрак? — задумывается Йола. — Есть ужасно хочется. И ещё от этого сена всё чешется. Тут случайно нет ванной?

— Не, зато есть озеро, — Финн показывает на лес, где что-то блестит между деревьями.

Йола вскакивает, нагибается и выпрыгивает через оконный проём.

— Эй, озеро! — кричит она. — Мы идём!

Дети наскоро надевают ботинки, спускаются по верёвочной лесенке и бегут в лес. Озеро прячется

за стволами деревьев, а вокруг растёт камыш. Забравшись на шаткие мостки, дети глядят вниз. Озеро совершенно прозрачное. Йола ложится на живот и трогает воду рукой.

— И совсем не холодная! — радуется она.

Финн тоже опускает руку, зачерпывает пригоршню и отхлёбывает.

— М-м-м-м, ещё и вкусная!

Йола швыряет как попало ботинки, стягивает носки и вопросительно смотрит на Финна.

— А ты чего ждёшь?

— Э... у нас с собой ничего нет...

— Ну и что? Можно в трусах!

И она начинает расстёгивать джинсы. Финн быстро отводит взгляд. Поворачивается к Йоле спиной и медленно раздевается, пытаясь вспомнить, какие трусы он надел вчера утром. Только бы не с разноцветными динозаврами. Иначе он умрёт со стыда. К счастью, на нём оказываются голубые в белую полоску. Скача на одной ноге, Финн стаскивает с себя штаны и складывает всю одежду в кучу.

Йола сидит на краешке мостков и болтает ногами. Финн садится рядом. Он замечает, что на ней — яркие

трусы с динозаврами. Точно такие, как у него. Но Йолу они нисколечко не беспокоят. Она так усердно бьёт ногами по воде, что брызги фонтаном.

— На счёт три прыгаем, ага?

Финн кивает. И они принимаются хором считать:

— Раз... два... три!

Финн отталкивается и плюхается в воду. Усиленно гребя руками, он выныривает наружу.

— Бр-р-р! Ну и лёд!

Он ищет Йолу глазами, но её нигде нет. Тут он замечает, что она, всё ещё сухая, сидит на мостках и смеётся.

— Что — попался?

— Ну погоди! — и Финн окатывает Йолу водой.

Тогда и она прыгает вниз и тут же начинает бить в панике руками.

— Ой, у меня же нарукавников нет! — кричит Йола. — Я утону!

И с громким плеском идёт ко дну. Но Финн не обращает на это никакого внимания. Ещё не хватало, чтобы он снова купился! Всё-таки, когда спустя пять секунд Йола так и не появилась, Финну стало не по себе, и он быстро поплыл туда, куда она прыгнула. В воде

ничего не видно. Финн барахтается на одном месте и беспокойно оглядывается.

— Йола?! — зовёт он.

Он набирает побольше воздуха, чтобы нырнуть, но тут метрах в двух от него выныривает Йола. Она прерывисто дышит и одновременно смеётся.

— Снова попался! — веселится она. — Удивился небось, сколько я могу не дышать!

— Значит, и сейчас сможешь!

Финн подплывает к ней, хватая за плечи и начинает топить. А потом быстро отплывает в сторону. Но Йола и впрямь отличная ныряльщица — прямо под водой она догоняет Финна и хватая за ногу.

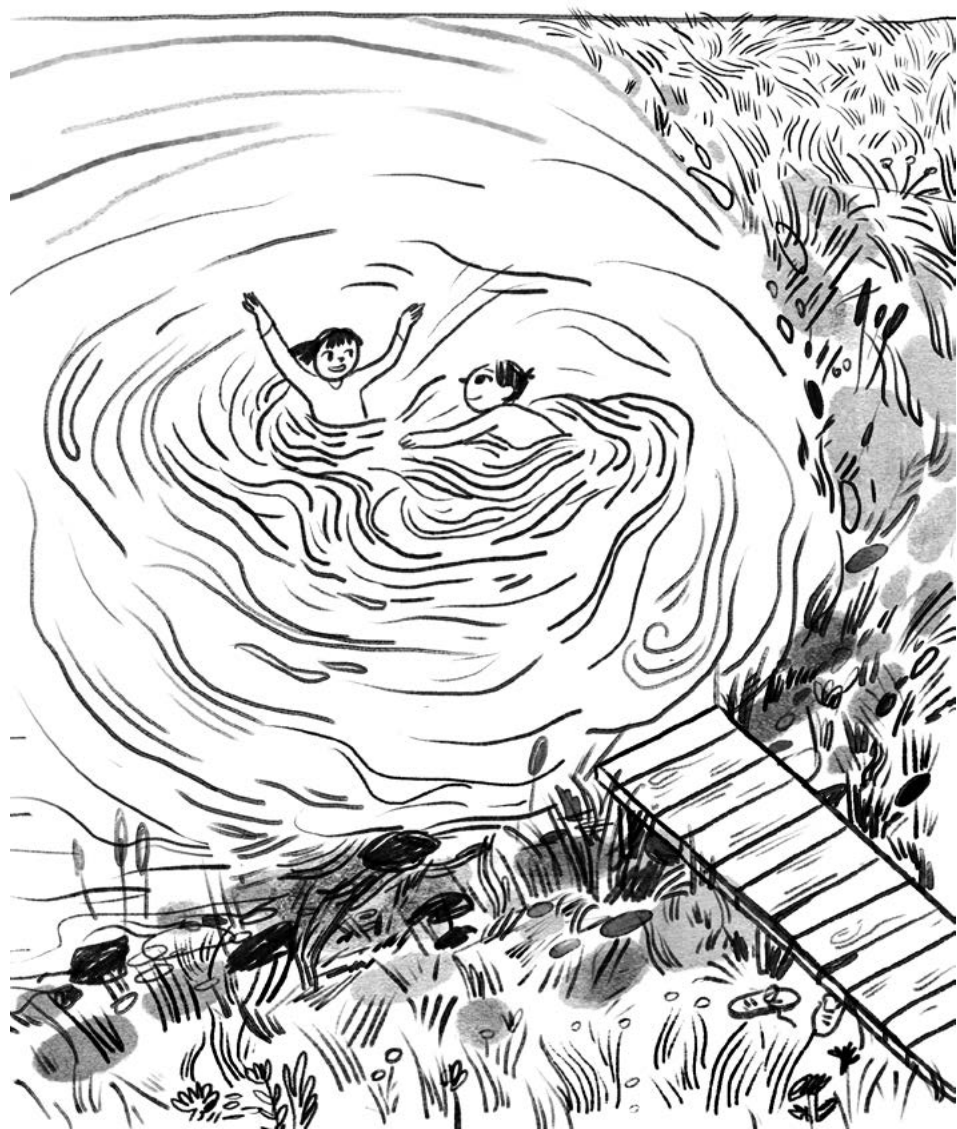
— Чур, не щекотаться! — кричит Финн. Он вырывается из Йолиных рук и как можно быстрее плывёт прочь, но Йола преследует его кролем, яростно колотя руками.

— Сейчас поймаю! — кричит она, задыхаясь. — Будешь весь мокрый!

— Ха-ха! Я и так мокрый! — Финн тоже еле дышит.

— Будешь ещё мокрей!

Потом они лежат рядом на мостках, ощущая кожей тепло дерева и нежась в лучах солнца. Йола кладёт руки себе на урчащий живот.

— Кажется, я наглоталась воды, — говорит она.

— И я, — отзывается Финн.

Он лениво щурит на солнце полузакрытые веки, наблюдая за тем, как при малейшем движении зрачка перед глазами плывут крошечные мушки. Они похожи на рачков артемий, которых Финн разводил, когда Карло подарил ему на день рождения набор для экспериментов. К набору прилагался маленький аквариум и упаковка с яичками. Рачки быстро выросли и плавали в аквариуме, как поплавки. Но потом вода стала мутной и вонючей, и мама всё вылила в унитаз. Вместе с рачками. И Финн представлял себе, как они дальше живут в канализации и как создают свою рачково-артемиеву страну.

Йола поднимает голову и смотрит прямо на Финна.

— У тебя веки просвечивают. Видно, как зрачки двигаются.

Она осторожно трогает его веко указательным пальцем, а Финн смотрит то вправо, то влево.

— Ой как страшно! — кричит Йола и отдёргивает руку.

Тут Финну приходит кое-что в голову, и он открывает глаза.

— Я тут один стишок вспомнил, — говорит он, приподнимаясь. — Я его знаю с детского сада. Галиматья, конечно...

— Расскажи! — требует Йола.

Финн делает многозначительное лицо и говорит:

Звёздочка, звёздочка, сопелек формочка,
Клювик клюёт, шейка жуёт,
Апельсинка, мандаринка,
И звоночек в серединке,
Снизу водичка, а сзади — сосиски.

Йола морщит лоб.

— Звёздочка, звёздочка... Это ты о чём?

— Сейчас объясню, — говорит Финн, улыбаясь. — Вот смотри. *Звёздочка... звёздочка... сопелек формочка...*

И он показывает на Йолины глаза и нос. Потом на рот, шею и грудь:

— *Клювик клюёт... шейка жуёт... Апельсинка... мандаринка... И звоночек в серединке...*

И Финн дотрагивается до Йолиного пупка.

— Щекотно! — хихикает Йола.

— *Снизу водичка,* — Финн кивает на Йолины трусы с динозаврами. Йола снова смеётся.

— Водичка — это, как говорят взрослые, «по-маленькому», — продолжает Финн. — Ну а сосиски — это «по-большому». Вот так: «Я хожу по-большому».

Последние слова Финн произносит низким голосом, изображая взрослого, и они оба хохочут. А когда немного успокаиваются, Йола вдруг принимает ужасно серьёзный вид:

— Финн, можно тебе доверить страшную тайну?

Финн кивает.

— Только никому не рассказывай! Клянёшься?

— Клянусь, — Финн прижимает руку к груди.

— Клянись жизнью своей матери! — требует Йола.

— Клянусь жизнью моей матери, — повторяет Финн.

— И отца!

— И отца, — снова говорит Финн, которому не терпится узнать, что за страшную тайну она ему хочет поведать.

Йола набирает побольше воздуха и улыбается.

— Я... пописала в озере!

Финн не выдерживает и снова хохочет.

— Я тоже, — признаётся он.

— Что?! — Йола набрасывается на Финна. — Фу! Значит, я пила твои писи!

— А я — твои! — и Финн делает вид, что сейчас будет драться.

— По крайней мере, мы квиты, — говорит Йола, подумав. — Может, это что-то типа клятвы на крови в вечной дружбе?

Она смотрит на Финна сквозь мокрые пряди волос и продолжает:

— Может, мы теперь связаны до конца наших дней?

Финн с улыбкой кивает. Эта идея ему очень нравится. И вдруг он чувствует, как в животе у него что-то шевелится, что-то тёплое и большое.

10. ТРОУС И НУДИСТЫ

Финн и Йола идут обратно к трактору и по дороге ищут какую-нибудь еду. Собирают землянику, жуют листочки глухой крапивы и кислого щавеля. Папа показывал Финну, как этот щавель выглядит, — листья у него длинные и заострённые, а на вкус кислые. Настолько кислые, что Йола с Финном морщатся и кривятся, когда кладут их в рот. От голода это не спасает — есть всё равно очень хочется.

— Почему нет такого растения, на котором бы росли булочки с маслом и вишнёвым джемом? — мечтает Йола.

— Или круассаны с шоколадом, — добавляет Финн.

— Точно, — соглашается Йола. — Это куда удобнее, чем ходить в магазин. Вышел себе на улицу и сорвал парочку.

— Можно и на балкон.

Финн вспомнил, как мама выращивала на балконе помидоры, и ему сразу захотелось домой.

— Что будем делать? — спрашивает он.

— Сначала вытащим трактор из канавы. А потом доедем до ближайшего магазина и купим круассанов с шоколадом — на все пятнадцать евро.

Финн, конечно же, за. Он уже предвкушает, как они будут уплетать гору круассанов.

Но когда они подошли к трактору, стало понятно — при свете дня ничего не изменилось: трактор так же прочно сидит в яме, как и накануне. Передние колёса утонули в глубокой канаве, а зад болтается в воздухе. Йола легла на живот и заглянула под трактор. Шасси лежит на краю канавы. Зазор между болтающимися в воздухе задними колёсами и землёй не больше ладони. Финн задумался. У трактора задний привод, значит в движение его приводят задние колёса. Если удастся заполнить чем-нибудь промежуток между землёй и колёсами, то у них появится сцепление с дорогой, можно будет включить задний ход и выехать из канавы. Он сообщает об этом Йоле.

— Здорово придумал! — радуется она. — Мы насыплем под задние колёса земли, чтобы им было по чему ехать.

И дети принимаются за работу. Вырывают пучками траву, голыми руками выгребают рассыпчатые комья земли и подкладывают их под шины. Хотя зазор между колёсами и землёй невелик, требуется уйма времени, пока он заполнится. Чтобы дело шло быстрее, Финн находит большие камни и ветки и подсовывает их под трактор вместе с землёй. Ещё нужно следить, чтобы их никто не заметил с дороги. Не только полиция, но даже водители, ведь они запросто могут вызвать полицию. При звуке приближающейся машины дети всё бросают и прячутся за стогом сена — и выходят, только когда машина проедет.

Наконец дырка между задними колёсами и землёй исчезла. Финн и Йола, довольные, осматривают результаты своего труда. Они взмокли от пота, лица все перепачканы.

— Прямо как в Древнем Египте, — говорит Финн. — Я видел в одном фильме, что египетские пирамиды именно так и строили: делали огромные платформы и водружали на них гигантские камни. Прямо до самого верха! А потом эти пирамиды называли чудом света.

— А это наше чудо света, — подхватывает Йола.

Она забирается на водительское кресло, а Финн берётся за проволоку. Сперва мотор крутится вхолостую, но вскоре заводится. Йола даёт ему немножко просто так поработать, потом включает задний ход и очень медленно отпускает педаль сцепления. Задние колёса потихоньку приходят в движение, потом крутятся быстрее, и земля, которую они с таким трудом укладывали под колёса, летит во все стороны.

— Сто-о-оп! — орёт Финн.

Йола сбавляет газ.

Финн сплёвывает, потому что ком земли угодил ему прямо в лицо. От искусственной насыпи почти ничего не осталось.

— К сожалению, чуда не получилось, — говорит Финн, вытирая остатки грязи рукавом.

— Чудо света — плюнул, и нету, — язвит Йола. — Эх, вся работа насмарку.

Как раз в этот момент слышится шум приближающейся машины. Финн и Йола её слишком поздно заметили. Это большой белый кемпер. Водитель уже наверняка их увидел — он сбавляет ход и включает поворотник. Автомобиль сворачивает на просёлочную дорогу и едет прямо к ним. Финн и Йола не знают, на что бы решиться — удрать или подождать, что будет дальше.

Машина останавливается рядом. Дверцы распахиваются, и оттуда выходят мужчина и женщина.

— Эй, вас нюжен поможнять? — спрашивает мужчина.

Он чуть постарше женщины. Седые волосы обрамляют загорелую лысину, а на ней, как большая чёрная муха, сидят солнечные очки.

Но Финн и Йола только рты разинули и никак не могут сообразить, что на это ответить.

— Так поможнять или нё? — снова спрашивает мужчина.

— Ми имзем троус, — говорит женщина, показывая на трактор. У неё тоже седые волосы, заплетённые в крошечную косичку, которая, как антенна, раскачивается туда-сюда на макушке.

Но дети как молчали, так и молчат.

И вовсе не потому, что чего-то не поняли, а потому, что не могут поверить собственным глазам, ведь на старичках, которые вышли к ним из машины, **СОВСЕМ НИЧЕГО НЕТ.**

Другими словами, они совершенно **ГОЛЫЕ**, с головы до пяток. Вот просто **СОВЕРШЕННО**, так что всё, **ВСЁ** видно. И похоже, их самих это **НИСКОЛЕЧКИ**

не беспокоит. Как будто ходить голыми — самая нормальная вещь на свете.

Женщина улыбается и жестами показывает, как будто тянет за верёвку.

— Троус, — говорит она снова.

Йола очнулась первой.

— Тро-ус? — повторяет она по слогам.

Мужчина открывает дверцу машины и достаёт оттуда свёрнутый буксировочный трос. Высоко его подняв, он произносит:

— Троус.

— Троус, троус, — кивает Финн, который уже тоже обрёл дар речи.

— Я-я, — радуется мужчина.

Он подходит к трактору и привязывает трос к его задней части, потом возвращается к кемперу, на котором его спутница уже закрепила другой конец троса. Она снова улыбается и жестами показывает Йоле и Финну, чтобы те отошли.

— Лучшее вы хёдить тю-тють отзад.

И Финн с Йолой отходят чуть-чуть назад. Мужчина залезает в кемпер и садится на покрытое полотенцем водительское сиденье. Ну а женщина упирает руки в боки и встаёт между кемпером и трактором.

— Могёшь медленнее? — кричит она.

Мужчина кивает и заводит машину. Включает заднюю передачу и тихонечко трогается. Канат натягивается. Женщина крутит рукой.

— Медленнее...

Мужчина осторожно нажимает на газ. Гул мотора нарастает, и машина тянет трос за собой. Сначала кажется, что ничего не происходит, но вдруг трактор зашевелился. Его задняя часть медленно погрузилась в канаву, а шасси, наоборот, со скрипом поползло вверх. Задние колёса получили опору, а передние начали выезжать из канавы. И в итоге трактор как ни в чём не бывало стоит на дороге, как будто всегда так стоял.

Женщина сияет и выставляет вверх оба больших пальца.

— Фантастика!

Мужчина снова выходит из машины и пожимает Йоле и Финну руки.

— Отень фантастика!

Финн и Йола благодарят.

— Thank you very much, — говорит Финн.

— Троус — very good, — говорит Йола.

Мужчина кивает:

— То била отень простой!

И сворачивает трос. Женщина разводит руками, как будто хочет поплавать.

— Ми хотеть поплава́ться. Нет тут ближе́е озе́ро? — спрашивает она.

— Поплава́ться? — Финн и Йола тоже делают вид, что плывут, и показывают в сторону леса.

— Там озе́ро поплава́ться! — кивает Йола.

— Поплава́ться! — сияет женщина.

Мужчина кладёт трос обратно в машину и ещё раз жмёт детям руки.

— Спасибо! И сча́сливый доро́г!

Мужчина и женщина снова садятся в машину. Пока мужчина осторожно выруливает на большую дорогу, его спутница машет детям в окошко. И они едут в сторону леса.

Дети, которые всё это время сдерживались, переглянулись, и тут-то их пробрало.

— Они совсем голые! — кричит Финн.

— Троус, троус, троус! — хихикает Йола.

— У них на номере стояло DK — это настоящие датчане! — говорит Финн, задыхаясь от смеха.

Финн и Йола снова садятся в трактор, и он как молния выкатывает на шоссе. Но если честно, до молнии ему далеко, ведь он едет всего-то со скоростью 25 километров в час.

— Интересно, — размышляет Финн. — Датчане всегда ходят голые?

— На нудистском пляже тоже все голые, — говорит Йола, подумав.

— Ну, это-то понятно, — вставляет Финн. — Но чтобы водить так машину... или там ходить в магазин...

— Смешно, когда всё так трясётся, — Йола снова хихикает.

— Жутко неприлично, — соглашается Финн.

Йола ведёт трактор так, что он шарахается из стороны в сторону, а сама напевает:

— Писун-трясун — прыг-прыг, соски-ходунки — брык-брык.

— Эй, осторожно! — Финн вцепился в сиденье, чтобы не упасть.

— А что? Весело же! — и Йола начинает ещё быстрее крутить руль туда-сюда: — Писун-трясун, соски-ходунки, тётя-мотя...

Вдруг мотор начинает чихать и трактор притормаживает.

— Ой, ты что сделал? — орёт Йола.

— Я?! Ничего!

Не понимая, в чём дело, Йола ещё сильнее давит на газ, но мотор хрипит и наконец совсем глохнет.

Финн закатывает глаза:

— Наверняка это из-за твоих влияний.

Он вылезает из кабины и в который раз соединяет провода. Мотор шумит пару секунд, но не заводится. Финн пробует ещё раз и ещё, но с тем же успехом.

— Может, солярка закончилась? — предполагает Йола.

Финн находит лючок топливного бака и откручивает крышку. В нос ему ударяет резкий запах. Финн задерживает дыхание и глядит внутрь.

— Пусто, — говорит он, вздохнув. — Что же делать? Так мы никогда до Берлина не доедем!

— Подожди, — Йола забирается на капот, прикладывает руку ко лбу и оглядывается. — Наверняка где-нибудь тут есть заправка.

— Видишь что-нибудь? — спрашивает Финн.

Йола мотает головой.

— Но если пойдём по дороге, наверняка что-то найдём.

И Йола прыгает вниз.

— Надеюсь, там будет еда, — говорит Финн.

— Логично, — соглашается Йола. — На заправках всегда куча еды. Особенно круассанов с шоколадом.

11. ПРОБЛЕМА С ИСКОПАЕМОМ ТОПЛИВОМ

Финн и Йола уже минут тридцать как идут по шоссе, но никакой заправки нет и в помине. Мысль о том, что они могут так и не добраться до Берлина, не даёт Финну покоя. Может, попросить у первого встречного взрослого телефон и позвонить домой — наверняка мама или папа сразу приедут и заберут его. Но что будет с Йолой? Как поведут себя её родители?

Он спросил у Йолы, какие у неё отношения со старшей сестрой. Сам Финн всегда хотел, чтобы у него были брат или сестра, в общем, чтоб он был

не единственным ребёнком. Потому что в каждой семье должно быть хотя бы столько же детей, сколько взрослых. Чтобы всё было честно. Особенно это важно, когда надо договориться, что можно делать, а чего нет.

— Ну... — тянет Йола. — Когда Мальвина ещё жила с нами, мы часто ссорились. А сейчас мне её не хватает, и я хочу её увидеть.

Финн понимающе кивает:

— Поэтому тебе так надо в Берлин?

— В том числе. У Мальвины никогда нет времени. Она работает в доме престарелых. Моем стариков, одевает, кормит и всё такое. Потому что они уже ничего сами не могут.

— Понимаю, — говорит Финн. — Моя бабушка тоже живёт в доме престарелых. Хотя ей туда совсем не хотелось. Она говорит, что там жутко пахнет памперсами.

— Просто ужас, что старикам нужны памперсы, — подхватывает Йола. — Мальвина рассказывает, что они похожи на маленьких детей, только не такие хорошенькие. А ещё Мальвина ужасно манерная... Часами болтает о косметике, тряпках и всём таком.

— Вот скучота, — вставляет Финн.

— Ну да. Потому что она уже выросла. А ещё мне теперь нельзя входить в её комнату. Потому что я слишком грязная и воняю.

— По-моему, ты совсем не воняешь, даже наоборот, — говорит Финн.

Йола кивает.

— Поэтому-то я и не хочу вырастать. А то ещё придётся красить ногти и пшикаться дезодорантом... Кстати, ты уже пшикался?

И она вопросительно смотрит на Финна.

Финн мотает головой. Он только один раз побрызгал дезодорантом ручку двери в их классе. Из баллончика, который Карло нашёл в раздевалке. И на немецком фрау Хеншке-Поль то и дело спрашивала, от кого сегодня так замечательно пахнет, а ведь это пахли её руки.

— Как думаешь, сколько топлива мы уже истратили? — задумывается Финн.

— Понятия не имею. А тебе это зачем?

— Из-за глобального потепления.

Папа ему рассказывал, что запасы ископаемого топлива, нефти например, на Земле ограничены. Из нефти

делают бензин и ещё много чего. Бензин сгорает в моторе, и машина едет, а отработанные газы выходят через выхлопную трубу. Но, к несчастью, эти газы очень вредные. Они загрязняют воздух, и ещё из-за них потепление.

— А мне нравится, когда тепло, — замечает Йола.

— Мне тоже, — признаётся Финн. — Но если всё время будет теплеть, то пустыни станут слишком большими, а ледники, наоборот, слишком маленькими. Когда они растают, то моря выйдут из берегов и всё затопят.

— Прямо всю землю? М-да... Это будет отстой.

Финн кивает.

— Поэтому папа купил грузовой велосипед и очень редко ездит на машине. На самолёте он тоже больше не летает.

— А я бы с удовольствием летала куда-нибудь каждые каникулы, — Йола вздыхает. — Каждый раз — на новое место. И так бы постепенно облетела весь мир. Но, к сожалению, мы ездим только в Польшу.

— Если все люди будут только и делать, что летать на самолёте, то глобальное потепление наступит очень скоро.

Некоторое время Йола молча идёт рядом с Финном и о чём-то думает.

— А может, это не такая уж катастрофа? — говорит она наконец. — А начало чего-нибудь нового? Как с динозаврами. Они ведь тоже когда-то вымерли, а потом появились люди.

— Но я не хочу вымирать, — замечает Финн. — По крайней мере, пока.

Тут сзади до них доносится гул, который делается всё громче. Финн и Йола оборачиваются и видят большую группу мотоциклов. Мотоциклы приближаются, и теперь дети могут разглядеть и водителей — бородатых мужчин во всём чёрном, с татуировками на руках. На детей они не обращают никакого внимания и так гудят, что напоминают рой гигантских насекомых. Финну пришлось даже уши зажать, пока мотоциклы не проехали. Йола смотрит им вслед.

— Я бы тоже хотела на таком...

— Хм-м-м... — мычит Финн. — Наверно, это рокеры*. С ними лучше не связываться. У них всякие банды, разборки и всё такое.

* Рокеры (их ещё называют байкерами) — поклонники мотоциклов. Мотоцикл для них не просто средство передвижения, но особый образ жизни. Рокеры носят кожаные косухи или жилетки с нашивками, бороды и татуировки. Объединяются в мотоклубы — у каждого из них своя эмблема, иерархия (президент, вице-президент и т.д.) и жёсткий кодекс поведения. В Германии рокеры традиционно связаны с криминальным миром и имеют проблемы с законом.

— Всё равно они крутые, — говорит Йола.

И они идут дальше, а за следующим поворотом наконец-то показывается заправка.

— Кто первый? — и Йола со всех ног кидается вперёд. Финн мчится следом, но Йола опять его опережает. Когда он подбегает, она уже стоит у магазинчика и заглядывает внутрь.

— Йес! — глаза у Йола сверкают. — Круассаны с шоколадом!

Финн и Йола входят внутрь. У кассы стоит витрина с бутербродами и круассанами. Рядом долговязый тип раскладывает сигареты на полке.

— Привет! — говорит Йола. — Мы хотим кое-что купить.

Мужчина поворачивается и смотрит на них бледно-голубыми глазами.

— И что же?

— Бензин.

— И два круассана с шоколадом, — добавляет Финн.

— А для чего вам бензин? — спрашивает мужчина. На самом деле это скорее подросток, с пушком на лице и весь в прыщах.

— Для трактора, — говорит Йола, улыбаясь.

— Тогда вам, наверно, нужен дизель?

— Ну да, дизель.

— Ну так и говорите, что дизель, — и прыщавый выглядывает на улицу. — Что-то я не вижу никакого трактора.

— Конечно, — говорит Йола. — Его здесь и нет.

— А где же он?

— Да там... у родителей, — и она показывает на дорогу. — У нас бензин кончился, то есть дизель. Вот мы и пришли.

— Хм-м-м, — прыщавый осматривает Йола с головы до ног. — И куда я вам его налью? В карманы, что ль?

— Не, — Йола мотает головой. — Вон у вас тут сколько всего.

И она делает широкий жест рукой.

— Сколько чего? — не понимает прыщавый.

«Да уж, особенно любезным его не назовёшь», — думает про себя Финн, а вслух говорит:

— В канистру, например.

И показывает на полку, где стоят канистры.

— Ну так и говорите «в канистру», — бубнит прыщавый и берёт с полки канистру. — Эта вот — пять девяносто девять.

— Она что, уже с дизелём? — удивляется Йола.

— Пф-ф-ф, — прыщавый фыркает и мотает головой. — Нет, конечно, она сто́ит отдельно. И кстати, «с дИзелем», а не «с дизелЁм».

— И сколько это получится? — интересуется Финн.

— Смотря сколько вам надо дизеля. Литр — один евро одиннадцать центов.

— Нам примерно на пятьдесят километров. Это сколько? — спрашивает Йола.

— Сами должны знать, — прыщавый нервно подёргивает плечами. — Литров пять... десять...

Финн подсчитывает в уме: канистра да пять литров дизеля — итого одиннадцать евро пятьдесят четыре цента.

— Всё ясно, — говорит Йола. Берёт с полки канистру и направляется к двери. Финн за ней.

— Если возьмём пять литров, то на круассаны останется три евро сорок шесть центов, — сообщает Финн, когда они выходят на улицу.

— Эйро подейро! — восклицает Йола и весело запрыгивает на колонку с надписью «Дизель».

— Крикнешь «стоп», — велит она Финну. Берёт пистолет, засовывает в канистру и нажимает на рычаг. Канистра начинает наполняться, на колонке

бегут цифры. Причём очень быстро. Так быстро, что и не уследить: один литр... два... три... четыре... пять...

— Стоп! — ревёт Финн. — Сто-о-оп!!!

Йола отпускает рычаг.

— Упс, — произносит она. — Немножко больше получилось.

На колонке красуется: девять литров на десять евро двадцать три цента. Так им не хватит. Финн оглядывается на магазин — прыщавый стоит у окна и недоверчиво за ними наблюдает.

— Что будем делать? — спрашивает Финн.

Йола завинчивает крышку канистры.

— Может, просто смоемся?

— То есть украдём?! — от одной этой мысли Финну не по себе. Он ни разу в жизни ничего не украл. Кроме разве что шоколадных яиц, которые мама прятала в шкафу. Но яйца-то всё равно предназначались ему, просто он получил бы их позже, на Пасху. А если они сейчас смоемся с этой канистрой, то поведут себя точно так же, как Хакмак, который украл его рюкзак. А это уже ни в какие ворота. Но прежде чем Финн успел возразить, Йола и сама передумала.

— Не получится, — сообщает она. — Нам ещё еда нужна.

И они возвращаются в магазин. Финн немного нервничает. Прыщавый что-то пробивает в кассе и объявляет:

— Шестнадцать евро двадцать два цента.

Йола кладёт перед ним пятнадцать евро.

— И два круассана с шоколадом.

Прыщавый смотрит на деньги.

— Этого мало.

Йола кивает.

— Да, из этой штуки слишком много вылилось. Но больше у нас нет.

— Пф-ф-ф, — снова фыркает прыщавый. — То есть как это нет?!

— Ну... — улыбается Йола. — Мы его можем вернуть... Дизель то есть.

— Не можете, — отрезает прыщавый.

— Мы имеем право вернуть любой товар, — замечает Йола.

— Пока мы его не использовали, — добавляет Финн.

— Ну всё, с меня хватит! — прыщавый явно на взводе. — Слушайте вы, шуты гороховые, берите своё дерьмо и проваливайте!

Он сгребает пятнадцать евро и швыряет их в кассу.

— Ещё круассаны с шоколадом, — повторяет Йола.

— Раньше надо было думать, — бурчит прыщавый.

— А мы и думали.

— Без денег вы ничего не получите, — упирается прыщавый.

— Поэтому-то мы и хотим вернуть лишний дизель, — настаивает Йола.

— Чёрт, ну сколько можно?! — прыщавый так разозлился, что у него разом стало вдвое больше прыщей.

— Почему нет? — не сдаётся Йола. — Мы же можем немножко отлить.

— Чёрт возьми, нет! — прыщавый покраснелся как помидор. — Проваливайте уже, или я за себя не ручаюсь!

Финн смотрит на Йолу. Он бы предпочёл уйти, пока прыщавый совсем не съехал с катушек, но Йола скрестила на груди руки и не двигается.

— Два круассана с шоколадом, — говорит она настойчиво. — Или верни деньги и забирай обратно свой дизель. Зато мы изведём меньше ископаемого топлива. Ледники не растают, и мы так быстро не вымрем, и...

— Дьявол! — перебивает её прыщавый. Кажется, он вот-вот разревётся. Схватив с витрины два круассана, он пихает их в пакет и швыряет Йоле.

— Ну что, довольна теперь?!

Что и говорить, Йола очень довольна. Как только они вышли, она открыла пакет, вытащила круассаны, отдала один Финну, и оба сразу стали жевать.

— Вот уж не думал, — говорит Финн, озираясь на магазинчик, из которого на них всё ещё тарашится прыщавый, и в его взгляде есть что-то странное, как будто он их побаивается.

— Иногда нужно настоять на своём, — говорит Йола с набитым ртом. — Войцех всегда так делает и всегда получает то, что ему нужно.

— Мне его даже немножко жалко стало, — признаётся Финн. — Но только совсем капельку.

— А мне нет! — фырчит Йола. — Уж очень он противный. Эх, надо было требовать четыре круассана.

— Я бы и от шести не отказался, — Финн засовывает в рот последние крошки.

Обратная дорога кажется им намного короче, чем дорога до заправки. Дети по очереди несут канистру, и при каждом шаге в ней бултыхается солярка. У последнего поворота, когда до трактора остаётся метров пятьдесят, до них доносятся голоса.

— Только не это! — выдыхает Финн.

На обочине стоит полицейская машина, а около трактора кто-то разгуливает. Этот голос Финн сразу узнал.

— Вот я и грю, чё-то тут не то, — писклявый голос принадлежит толстяку. — Точняк у него разрешения нет, это же просто дрова.

Полицейский качает головой и оглядывается на дылду — та стоит рядом с машиной и разговаривает с кем-то по телефону.

— Ща будет эвакуатор, — говорит она.

— Прячься! — шепчет Йола и тянет Финна в кусты.

Но полицейские так заняты трактором, что ничего не замечают. Оба смотрят в ту сторону, откуда доносится шум мотора, и вскоре показывается жёлтый эвакуатор.

Финн и Йола могут наблюдать из кустов, как он подъезжает, как из кабины выходит водитель и перебрасывается парой фраз с полицейскими. Как он потом снова садится в кабину, съезжает задом на просёлочную дорогу, останавливается прямо за трактором и опускает платформу. Закрепляет на тракторе трос и с помощью лебёдки погружает его на платформу.

— Вот гады, — не выдерживает Йола. — Они сейчас сопрут наш трактор!

Водитель эвакуатора опять выходит, отдаёт дылде ещё какие-то бумажки, забирается в кабину, сворачивает на шоссе и уезжает в том же направлении, откуда появился. Полицейские едут следом.

А Финн с Йолой вылезают из укрытия.

— Что упало, то пропало, — вздыхает Финн, высоко подняв канистру с соляжкой.

— Значит, всё зазря! — Йола чуть не плачет.

— Ну... что будем делать? — Финн в нерешительности смотрит на Йолу.

— Откуда я должна знать? — огрызается она.

— Да ничего ты не должна...

Финну даже немножко обидно. Конечно, им не повезло, но это ещё не повод так злиться.

12. СТАРЫЙ ФРИЦ НА БЕШЕНОЙ ТАБУРЕТКЕ

Настроение ужасное. Финн молча разглядывает носки своих ботинок, Йола засунула руки поглубже в карманы. Хотя вообще-то Финн считает, что не стоит так уж отчаиваться. Конечно, вышло всё по-дурацки — сначала они зря купили солярки, а теперь им не на чем ехать. Но в конце концов, можно же что-то придумать.

И он стал размышлять. Как-то раз они с папой по пути в Берлин увидели двух девушек, которые ехали автостопом и держали в руках самодельную табличку с надписью «Berlino». Девушки были ярко одеты, волосы

собраны в крошечные косички с вплетёнными жемчужинами.

— Смотри-ка, две хиппушки, — сказал папа. — Давай их возьмём, если не возражаешь.

Честно говоря, Финн возражал, потому что они с папой совсем их не знали. Но на улице шёл дождь, папа их пожалел и остановился. «Ничего, узнаем, — подбодрил он Финна. — Даже интересно». Выяснилось, что девушки говорят только по-английски и по-итальянски, и Финн не понял ни слова, кроме «Berlino» — по-итальянски это значит Берлин — и «dog» — по-английски это значит «собака». Кстати, собака у них тоже была — она пряталась в кустах, пока они её не позвали. Огромный ризеншнауцер, совершенно мокрый и с резким запахом. Папа отнёсся к его появлению без особого восторга, но потом согласился взять. Автостопщицы с собакой уселись на заднем сиденье и не произнесли за всю дорогу ни слова. Зато собака провоняла на всю машину и сгрызла ремень безопасности. Когда они вышли на Александерплац, папа сразу открыл все окна, чтобы проветрить.

Финн поднимает голову и смотрит на Йолу — та по-прежнему не в настроении и думает о чём-то своём.

— Может, попробуем автостопом? — предлагает Финн. — Я знаю, как это делается.

— Я тоже, — говорит Йола хмуро.

— Нужно только раздобыть табличку с надписью «Берлин», — размышляет Финн. — В рюкзаке у меня была ручка...

Йола сдувает с глаз волосы и вытаскивает руки из карманов.

— К сожалению, у нас нет ни рюкзака, ни ручки, ни денег, чтобы её купить.

— Что-нибудь да придумаем, — успокаивает Финн.

Мама всегда говорит, что Финн потому и зовётся Финном, что он вечно что-то находит*. Другие потереяли, а он находит — это у него с самого детства. Однажды он нашёл фотоаппарат, в котором была куча фотографий. Мама отнесла фотоаппарат в бюро находок, и Финну заплатили двадцать евро.

Вот и сейчас он принимается прочёсывать траву вдоль дороги. Пройдя всего пару шагов, находит старую бутылку, две проржавевшие металлические банки, рваные колготки, две пустые коробки из-под пиццы и один разбитый колпак от колеса. Просто ужас,

* По-немецки имя Финн (Finn) напоминает слово «финден» (finden) — «находить».

чего только люди не выкидывают из окон машин! Тут взгляд Финна привлёк какой-то маленький красный предмет. Зажигалка!

Финн поднимает её и смотрит на свет — внутри ещё есть газ. Чиркает — и вспыхивает маленькое пламя.

— Придумал! — кричит он.

Йола подходит ближе и с любопытством смотрит на Финна. Он берёт сухую ветку и поджигает её зажигалкой. Когда вся ветка занялась, Финн начинает ею быстро размахивать, пока огонь не гаснет. А потом поднимает обуглившимся концом вверх.

— Это вместо карандаша. А вот из этого мы сделаем табличку, — и он показывает на коробку из-под пиццы.

Йола одобрительно кивает.

— Хорошо придумал, — хвалит она.

От её плохого настроения не осталось и следа. Она берёт в руки картонку, и Финн на обратной стороне большими буквами выписывает: «БЕРЛИН». А Йола ставит три восклицательных знака. Чтобы сразу было видно: они очень торопятся!

На другой картонке они так же пишут слово «БЕСПЛАТНО!!!» и ставят её на обочине, рядом с канистрой. Наверняка это ископаемое топливо ещё кому-то пригодится.

Затем берут вторую табличку и идут вперёд по дороге в поисках подходящего места. Останавливаются там, где издали видно машины. Как только на горизонте показывается машина, они выставляют вверх большие пальцы и принимаются кричать и размахивать табличкой с Берлином и тремя восклицательными знаками. Но водители как ни в чём не бывало едут мимо, как будто никого не видят.

Когда мимо, даже не притормозив, пролетает четвёртая машина, Йола не выдерживает — показывает машине кулак и громко кричит: «Дерьмовозка хренова!» Финн тоже размахивает кулаками и обзывается: «Противная кашка!»

И сразу вспоминает, как они с мамой были в Кицбюэле — это такой австрийский горнолыжный курорт. Финну было восемь, и он ходил в горнолыжную школу. Одного мальчика в их группе звали Мелвин. Он был младше всех, и у него были самые клёвые шмотки. Шлем он надевал прямо на бейсболку. И ещё не стеснялся в выражениях. Однажды кто-то из учеников ехал плугом, но упал и покатился вниз на животе. И Мелвин крикнул: «Только посмотрите на этого олигофрена!» А когда Финн свалился с подъёмника, Мелвин хохотал до слёз и кричал: «Вот обезьяна!»

У него все были олигофренами, обезьянами, лохами, говнюками... Кстати, «говнюк» превращалось у него почти в комплимент.

И вот однажды Гюнни — так звали учителя — решил с ним поговорить.

— Знаешь, — сказал он, — обзывать нехорошо. Ты оскорбляешь чувства других людей.

Но Мелвин его не понял.

— Ничего я не оскорбляю!

— Нет, оскорбляешь, — настаивал учитель. — Называть кого-то олигофреном — это дискриминация.

Мелвин понятия не имел, что такое эта самая «дискриминация...», — он и выговорить-то дальше не мог.

— Подумаешь, олигофрен, — буркнул он. — А что в этом такого?

Тут Гюнни строго на него посмотрел и спросил:

— Ты вообще знаешь, что такое олигофрен?

Разумеется, Мелвин знал: олигофрен — это крокодил.

Этот ответ совершенно сбил учителя с толку. Оказывается, Мелвин всё это время путал олигофрена и аллигатора и думал, что называет всех крокодилами, а это не такая уж страшная дискриминация... или как её там. Он не знал, что олигофрения — это такая

болезнь и что если тебя дразнят олигофреном, то это очень обидно.

Гюнни подробно объяснил всё это Мелвину, а Финн внимательно слушал, потому что тоже не знал этого слова. После того случая Финн некоторое время вообще не обзывался. Даже дураком или вонючкой, потому что боялся кого-то обидеть.

Но сейчас ему, как и Йоле, кажется, что в обзывательствах ничего страшного нет — машины ведь едут мимо и не останавливаются. И они придумывают для каждой новое ругательство и кричат его вслед:

- Перделка вонючая!
- Пузотёрка фигова!
- Старая помойка!
- Противный драндулет!
- Вшивая тарихтелка!

Финн уже всю придумывал, как бы обозвать следующую машину, как вдруг вшивая тарихтелка затормозила, включила задний ход и с громким рёвом подала назад.

Неужели водитель всё слышал? Финн беспокойно оборачивается на Йолу.

Машина останавливается рядом. Она совсем крошечная, на двух человек. Карло называет такие бешеными

табуретками. Стекло со стороны водителя опускается. За рулём — мужчина очень странной наружности. Длинные седые волосы уложены локонами. Одет старомодно: красно-голубой плащ, жёлтый жилет и плюшевая рубашка. Так одеваются в старых чёрно-белых фильмах, которые любит Мухтар. В некоторых из них герои не разговаривают, потому что тогда ещё снимали немое кино.

Но мужчина за рулём явно не немой.

— Приветтики! — улыбается он. — И что здесь делают два карапуза?

— Автостопят, — говорит Йола.

Финн бросает взгляд на пассажирское сиденье. На нём лежит длинная шпага и чёрная треуголка. Финн снова с тревогой смотрит на Йолу. Может, это какой-нибудь похититель детей?

На лбу у похитителя, чуть повыше носа картошкой, появляются озабоченные складки.

— За поворотом нельзя стоять — это очень опасно. Ещё чуть-чуть — и я бы вас сбил!

— Мы будем внимательней, — обещает Йола.

Водитель смотрит на картонку из-под пиццы у Финна в руках и качает головой, так что локоны елозят по засаленному воротничку.

— К тому же вы стоите на неправильной стороне. Берлин вон там, — он оборачивается назад. — Я как раз оттуда еду.

Финн быстро кивает — при взгляде на похитителя ему делается не по себе.

— Спасибо, что сказали, — лепечет он. — Мы перейдём на другую сторону.

Но странный водитель снова мотает головой, и локоньки опять ёрзают по воротничку.

— Та-та-та, я вас тут не оставлю! Ясно же, что вы слиняли из дома! У вас это на лбу написано!

Он хватается за шпагу и шляпу, и Финн готов поклясться, что сейчас он их проткнёт. Но водитель только закидывает шпагу за сиденье, нахлобучивает шляпу на голову и открывает дверцу рядом с пассажирским сиденьем.

— Давайте, залезайте, — требует он.

Финн вопросительно глядит на Йолу. Он бы, конечно, дождался другую машину, а не ехал с переодетым похитителем. Но тот словно прочёл его мысли, потому что, едва Финн так подумал, водитель улыбнулся и говорит:

— Не бойтесь, я не похититель. И не заложу вас родителям. Только довезу до ближайшей станции, а там вы сядете на поезд в Берлин.

И он ещё раз настойчиво стучит по пассажирскому креслу.

— Придётся потесниться. Увидите полицию, сразу нагибайтесь, а то нам влетит — здесь нельзя ехать вдвоём.

Но Финн и Йола по-прежнему медлят.

— Ах, ну конечно! — восклицает водитель, как будто его только что посетило озарение. — Я знаю, вы не понимаете, почему я в таком наряде!

И он хлопает себя по жёлтой жилетке.

— Это моя рабочая одежда!

Водитель приподнимает треуголку и слегка кланяется.

— Позвольте представиться: Старый Фриц. Фридрих Великий. *Fridericianus Rex**, или король Пруссии. Но вы можете называть меня просто Удо.

И он хлопает в ладоши.

— Ну что, едете или так и будете здесь стоять?

Йола наклоняется и тихонько шепчет Финну на ухо:

— Он, конечно, немного того, но, кажется, не опасный.

Финн уже и сам так думает.

* Верно *Fridericus Rex (лат.)* — король Фридрих. Фридрих II, или Фридрих Великий по прозвищу Старый Фриц, был королём Пруссии (пруссские земли входят в состав современной Германии). Он правил с 1740 года до конца своих дней, то есть до 1786 года. Фридрих проводил полезные для страны реформы и захватил значительные территории.

Дети забираются на пассажирское сиденье, и Удо пристёгивает их ремнём безопасности. Он даёт газу, и вот уже бешеная табуретка тарахтит по просёлочной дороге. Мимо плывут стоящие по обе стороны дороги деревья. На поворотах дети прижимаются друг к дружке, и Финну становится очень тепло.

— А что это за работа — Старый Фриц? — спрашивает он.

— Что ж, придётся начать издалека, — и Удо принимается рассказывать. — Представьте себе, что король Пруссии стал бы водить экскурсии по городу для туристов, которые приезжают в Берлин. Вот этим я и занимаюсь. А поскольку я Старый Фриц, то я как бы показываю им свой королевский Берлин: Бранденбургские ворота, конную статую на Унтер-дер-Линден, Новую караульню, городской дворец и так далее.

— Но ведь Старый Фриц давно умер, — вставляет Йола.

— Верно, — поддакивает Удо. — Я просто играю его роль и как будто возвращаю его к жизни.

— Как на карнавале? — уточняет Финн.

— Что-то в этом духе.

— А ты тоже живёшь в замке? — спрашивает Йола. Но Удо качает головой.

— Я снимаю обычную двушку. Правда, у меня ещё имение есть! Конечно, это не замок, а маленький домик в Линдове, который к тому же нуждается в срочном ремонте. Его хозяином когда-то был горожанин, который занимался сельским хозяйством. Слышали о таких?

Дети мотают головой.

— Ну вот, раньше в городе таких было много. А я, как прусский король, всегда интересовался сельским хозяйством. Картошкой, например. Всё-таки её стали выращивать по моему приказу*.

Про то, как в Германии появилась картошка, Финн уже знал немного из школы. Когда-то картофель ели только в Америке, а уж потом мореплаватели привезли её в Европу. И слава богу, иначе бы у них теперь не было картошки фри.

— Наверняка она называется фри из-за Фрица, — говорит Финн, а Удо смеётся.

— Слово «фри» французское, — объясняет он. — И означает «обжаренный во фритюре».

* Выращивать картофель в Германии действительно стали по приказу Фридриха Великого — 24 марта 1756 года он издал так называемый Картофельный приказ. Первое время крестьяне были недовольны, но постепенно картофель распробовали, и сегодня немцы много и охотно его едят.

Йола тем временем дотянулась до шпаги за сиденьем и слегка вытащила её из ножен.

— Старый Фриц — это который вёл кучу войн? — спрашивает она.

— Совершенно верно, юная леди, — говорит Удо. — Силезские войны и Семилетняя война — это всё моих рук дело. Но прославился я не только благодаря им. Я ещё был хорошим правителем и философом. *«Корона — это всего лишь шляпа, в которую заливает дождь»* — это тоже я сказал. Неплохо, а?

Финн кивает и представляет себе, как дождь то и дело заливает в корону Старого Фрица и как у него на голове образуется целая лужа.

Удо с довольным видом глядит на детей.

— Что ж, благодаря автостопу вам удалось и кое-что узнать. Кто такой Старый Фриц и чем он знаменит.

И он стал что-то искать в навигаторе.

— Подъезжаем к Лёвенбергу. Оттуда идёт электричка в Берлин. У вас есть деньги на билеты?

Финн мотает головой.

— Не... Мы всё истратили...

— Думаю, этого хватит, — Удо вытаскивает из своего королевского плаща двадцатку и передаёт Финну.

— Спасибо, — говорит Финн. Ему не верится, что всё вдруг оказалось так просто и что они наконец-то приедут в Берлин!

Удо прибавляет скорости, чтобы обогнать идущий впереди грузовик, как вдруг...

— Стой! — кричит Йола.

От испуга Удо так резко затормозил, что всех троих бросило вперёд.

— Господи, разве так можно! — вскрикивает он. — Что случилось?!

— Вот! — Йола показывает на грузовик.

И тут Финн понимает, почему она так разволновалась. Сзади на грузовике красными буквами написано: *«Мы знаем, что делаем, — Производство окон ООО „Хакмак“».*

13. ХАКНУТЬ ХАКМАКА

«Хакмак» — прямо как на майке у того ворюги из поезда! Дети переглядываются и думают об одном и том же — а что, если этот грузовик приведёт их к грабителю?

Но прежде чем они успевают объяснить это Удо, грузовик притормаживает, включает поворотник и съезжает на дорожку, которая ведёт в сторону от шоссе.

— Нам очень надо выйти! — просит Финн. — Прямо здесь!

— Вы меня пугаете, — говорит Удо, но всё-таки останавливается. — Зачем вам этот грузовик?

Финн и Йола смотрят туда, куда свернул грузовик. Неподалеку от шоссе стоят промышленные здания, у которых грузовик припарковался. Водитель вышел из кабины и скрылся в низенькой постройке. Это, по крайней мере, не Хакмак. Финн бы его издали узнал.

— Так в чём дело, можете мне объяснить? — волнуется Удо.

Йола отстёгивает ремень и открывает дверь.

— Сейчас. Надо только кое-что выяснить.

Но Удо качает головой и глядит на часы.

— Минуточку. По-моему, это я должен кое-что выяснить. Всё-таки я вам не личный шофёр. Я обещал отвезти вас на ближайшую станцию, а до неё мы ещё не доехали.

— Мы сами дойдём до станции! — говорит Финн торопливо. — И сядем на ближайшую электричку. Но сейчас нам нужно сюда.

И он умоляюще смотрит на Удо.

— Это очень-очень важно, правда!

Но Удо лишь недоверчиво трясёт головой.

— Не могу же я вас оставить одних, — и он снова смотрит на часы.

— Можете, — говорит Йола решительно. — Вы же король.

— Это, конечно, сильное утверждение, юная леди, — Удо задумывается. — Обещаете, что не наделаете глупостей?

— Даём честное слово, ваше величество, — и Йола делает книксен.

— Ладно уж, — вздыхает Удо. — Если вам снова понадобится король, можете звонить мне в любое время.

Он вытаскивает из кармана визитку, на которой он запечатлён в монаршей позе на фоне Бранденбургских ворот. Под фотографией — адрес и телефон.

— Обещаем, — говорит Финн. — Спасибо за всё!

Йола захлопывает дверцу, и Удо уезжает. А Финн думает, что он ведь и впрямь отличный король. Дети машут ему вслед, пока бешеная табуретка не становится совсем крошечной и наконец исчезает за поворотом. А Финн и Йола направляются к одноэтажному зданию.

Дети заходят внутрь и оказываются посреди цеха. Шумят станки, пахнет деревом, клеем и лаком. На металлической подставке стоят оконные рамы, но стёкол в них нет. Женщина в зелёном комбинезоне вращает рукоятку какого-то прибора, похожего на кривой стол.

— Эй! — кричит Йола.

Но женщина не реагирует. Она в красных защитных наушниках, с которыми красиво сочетаются выкрашенные в синий цвет волосы. Наверное, из-за этих наушников она их и не слышит.

Финн и Йола переглядываются.

— Эге-гей! — кричит Финн как можно громче.

Ноль реакции.

Тогда Йола подходит к женщине и легонько стучит её по спине. Та удивлённо оборачивается, снимает наушники и выключает прибор.

— Простите, — говорит Йола. — Но нам нужно кое о чём вас спросить.

Женщина смотрит на детей. Левая рука у неё вся в цветных татуировках.

— И о чём же?

— Мы ищем одного человека, — объясняет Финн. — У него майка с надписью «Хакмак» и во-о-от такие дырки в ушах.

И он показывает на свои мочки.

— Значит, у него тоннели? — переспрашивает женщина и тоже показывает на свои мочки. — Тогда это Хайко.

— К сожалению, как его зовут, мы не знаем, — говорит Финн.

— Но если у этого Хайко такие тоннели, наверняка это он, — вставляет Йола.

— И зачем он вам? — хмурится женщина.

Финн ещё не успел ничего толком придумать, а Йола уже наплела с три короба:

— Нам надо ему кое-что передать. От его старого приятеля... Дениса. Мы с этим Денисом соседи, а раньше он жил рядом с Хайко. Они даже тоннель прорыли, но не в ушах, а в земле между домами, чтобы ходить друг к другу в гости, так они дружили. Вот Денис и сказал: «Будете, э-э-э... там-то, обязательно зайдите к Хайко и передайте привет».

Пока Йола говорила, женщина всё больше мрачнела. Но Йола так увлеклась рассказом, что ничего не заметила.

— В общем, нам нужен этот самый Хайко с тоннелями, — заявляет Йола как ни в чём не бывало.

— Можете передать ему ещё и привет от Янины, — фыркает женщина. — Янина — это я. И чтоб он поскорее притащил свою задницу и вернул мне пятьдесят евро, которые до сих пор должен.

— Конечно, передадим, — обещает Йола. — Пятьдесят евро. Нам это не трудно.

Финн оглядывается.

— Ну а где сейчас этот Хайко? Он тут работает?
Но Янина качает головой.

— Уже нет. У него вроде как аллергия на древесную пыль. Хотя на самом деле у него аллергия на работу.
Она смотрит на часы.

— Сейчас он, наверно, у Ронни.

— А кто такой Ронни? — спрашивает Финн.

— Хозяин пивной. Двести метров вниз по улице.
Мимо вы не пройдёте.

14. «ЗА КРУЖКОЙ РОННИ» И ЗАКОН О ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ

ивная находится в сером доме в самом конце улицы. На черепичной крыше произрастает мох. Штукатурка кое-где облупилась. Над входом висит табличка: «За кружкой Ронни». Вот прямо так и написано! Если бы у Финна был с собой телефон, он бы обязательно сфотографировал эту табличку для Мухтара. Правильно ведь «За кружкой у Ронни», а не просто «Ронни». Мухтар всегда поправляет, если кто-то неправильно скажет или напишет. И всегда подчёркивает, что даже он знает, как правильно, хотя немецкий

для него не родной. В общем, Мухтар очень строгий. Даже более строгий, чем фрау Хеншке-Поль. За одну ошибку в диктанте она всё равно ставит пятёрку.

На песчаной парковке перед пивной припаркованы несколько машин и целая шеренга мотоциклов. В окнах горит свет, хотя на дворе день. Финн и Йола вытягивают шеи, пытаясь разглядеть, что там внутри, за пересохшими геранями. Хозяин вытирает стаканы перед стойкой. Два столика заняты. За одним сидит сморщенный старичок и смотрит в свой наполовину полный стакан. За другим расположилась группа мужчин в чёрных кожаных куртках и жилетах, руки у них сплошь в татуировках. Все наголо побриты, а у некоторых ещё и длинные бороды.

— Это рокеры, — шепчет Йола. — Поэтому здесь столько мотоциклов.

Финн вглядывается внутрь сквозь пожелтевшие занавески. Никакого Хайко в комнате нет. Финн разочарован. Он уже отвернулся, как вдруг Йола что-то замечает:

— Это твой?

Финн встаёт на цыпочки и видит... свой собственный рюкзак! С крокодилчиком вместо бегунка на молнии.

Ошибки быть не может — это он! Рюкзак висит на спинке пустого стула за столом, занятым рокерами.

— Откуда у них мой рюкзак? — изумляется Финн.

Как раз в этот момент из задней части здания в комнату входит человек, на ходу застёгивая ширинку. Финн его сразу узнал: Хакмак-Хайко с тоннелями! Оказывается, он ходил в туалет. А теперь плюхается на пустой стул между рокерами.

— Это он! — в волнении шепчет Финн.

Йола хватается за карниз и чуть-чуть подтягивается, чтобы лучше его рассмотреть.

— Ну и морда! — говорит она наконец.

Финн чувствует, как бешено колотится сердце.

— Что будем делать? — спрашивает он.

— Как что? — Йола ни секунды не колеблется. — Пойдём и возьмём твой рюкзак.

— Но... — мямлит Финн.

Но Йола уже у двери.

Когда она появляется на пороге, хозяин у стойки мерит её строгим взглядом. Йола коротко ему кивает, как будто заходит сюда каждый день, и, ни слова не говоря, идёт мимо. Финн неуверенно плетётся следом. Ну а Хайко обращается к рокеру с самой длинной бородой:

— Вам ничё перешивать не придёца, президент. Я всё вам устрою. У мя связи.

— У Хайко всегда связи, — улыбается лысый ро-кер рядом с Хайко.

— Ну да! — поддакивает Хайко. — Мошь мне не верить. У мя бабушка — крутая швея!

Бородач, которого Хайко назвал президентом, хлопает себя по жилету и говорит:

— А если она всё испортит?

— Тока не моя бабушка. Она у мя училась на текстильном комбинате. Для неё это раз плюнуть. Если я сёдня ей дам, то к завтраму всё будет. Причём в лучшем виде!

Йола останавливается у стола, Финн — за ней. Она упирает руки в боки, смотрит прямо на Хайко и громко говорит:

— Эй ты!

И только после этого их с Финном замечают. Все, кто сидит за столом, теперь смотрят на них. В том числе Хайко. Финну показалось, что, когда Хайко его увидел, у него дёрнулся глаз.

Президент с длинной бородой нагибается к Йоле.

— Привет, деловая колбаса! Чё те нужно?

Йола тыкает пальцем в рюкзак.

— Это рюкзак моего друга, — говорит она, показывая на Финна. — А вот этот его спёр, — и она показывает на Хайко.

Финн кивает.

Но Хайко и ухом не ведёт и смотрит так, будто ничегошеньки не понял.

— Чё они хотят-та? — спрашивает он, словно не слышав.

Йола снова показывает на рюкзак.

— Мы хотим обратно рюкзак, — говорит она громко.

Финн встаёт рядом с Йолой.

— Там все мои вещи, — говорит он.

— Ты что, у детей теперь тоже тибришь? — вмешивается какой-то мужчина с татуировкой в виде головы льва. — На тебя это не похоже.

И все смеются. Тут президент машет рукой, чтоб они замолчали, и поворачивается к Хайко.

— Знаешь этого пацана или нет?

Хайко смотрит на Финна и Йолу и мотает головой:

— В первый раз вижу.

Финн набирается храбрости и говорит:

— Он врёт. Мы ехали с ним в одном поезде, который шёл в Берлин. Он показал мне карточный фокус и засунул рюкзак в свой пакет.

Хайко на секунду задумывается, а потом широко улыбается.

— Чёт не припомню.

И все снова смеются. Хайко поднимает стакан и кричит хозяину:

— Эй, Ронни, у нас опять пустые стаканы! Давай ещё по одной. И запиши там на меня.

Хозяин кивает, хоть и без особого восторга.

Финн понимает, что Хайко просто хочет перевести разговор на другую тему.

— Он вышел в Гранзее, — добавляет он.

— Ах, не может быть, в Гранзее, — передразнивает Хайко.

Снова смешки. Хотя Финн никак не может взять в толк, что тут смешного. Хайко осушил свой стакан и икает Финну прямо в лицо.

— Смори-ка, вишь во-о-он тот байк? — он показывает на мотоцикл, который блестит, как новое зеркало. На баке красуется белый череп.

— Интродер 78 лошадей в полном фарше. Я чё, придурок, чё ль, шоб при таком аппарате переться на поезде?

— Тем более сейчас, когда Хайко вернули права, — замечает его сосед и хлопает Хайко по плечу. — Смотри больше не наскочи на радар.

Новый взрыв хохота. Но Финн не сдаётся.

— Я могу это доказать, — говорит он. — Там мои вещи.

— Вот именно! — Йола хочет схватить рюкзак, но Хайко его выдёргивает.

— Руки прочь! — кричит он. — Там ничё нет.

От ярости у Финна выступили слёзы.

— Неправда! Там мой билет и телефон с фотографией Тепса!

Тут снова вмешивается президент:

— Ну же, Хайко, чё там такого таинственного в этой авоське?

Хайко оглядывается, пожимает плечами и открывает рюкзак.

— А чё там может быть... — и вынимает из рюкзака кофту, в которой ехал в поезде. — Тока шмотки.

Президент нагибается к Финну и серьёзно смотрит на него своими свинячьими глазками.

— Короче, детки, вы чёт перепутали. Хайко не вор. И такими словами не бросаются. Потому как это клевета.

Остальные рокеры с серьёзным видом кивают.

У Финна кружится голова, так что ему даже приходится схватиться за стол. Он судорожно соображает,

что ещё можно сделать. И вдруг вспоминает про банку. Поспешно вытаскивает её из кармана и кричит:

— Вот! Доказательство! Он оставил её в поезде... На ней отпечатки пальцев!

Мужчины смотрят на помятую банку у Финна в руках. Секунду стоит тишина, и вдруг Хайко начинает громко хохотать.

— Нет там ничё, вы, маленькие пьянчужки! — и он громко хлопает в ладоши. — Они всё сами выдули. И теперь несут всякую чушь!

Финн хочет возразить, но тут к нему с кислой миной подходит хозяин. В руках у него поднос со стаканами.

— Есть тут родители этой малышни? — спрашивает он.

Мужчины мотают головами.

— Их тут никто не знает, — поясняет Хайко.

Хозяин ставит поднос.

— Им здесь нельзя находиться. А то меня оштрафуют, потому как они несовершеннолетние.

— Слыхали? — ухмыляется Хайко. — Вам сюды нельзя.

Хозяин поворачивается к детям.

— Прошу меня извинить. Но несовершеннолетним без взрослых в питейные заведения вход воспрещён. Это по закону о защите детей.

— Но... — Йола явно хочет поспорить.

— Никаких «но»! Вы прямо сейчас пойдёте домой.

И он выпроваживает их к выходу.

15. ВОРОВАТЬ, КОНЕЧНО ЖЕ, ПЛОХО

Финн сидит, поджав ноги, между припаркованными у бара машинами. Начался дождь. Чувство такое, будто кто-то завязал тугой узел у него в животе. Финна мучат ярость и бессилие. Этот Хайко такой отвратительный... гадкий... мерзкий... Финн ищет и не может найти подходящего слова. И ему совершенно всё равно, чьи чувства он оскорбит.

Подходит Йола и садится рядом с ним. Она обходила здание по кругу — хотела найти что-нибудь, что могло бы помочь. Но ничего не нашла. Задняя дверь

заперта. А больше ничего нет. Не считая мусорных контейнеров да маленького окошка, из которого выходит туалетом.

— Он просто врёт, а мы ничего не можем сделать, — говорит Финн.

Он чувствует, как по щекам катятся слёзы, но во время дождя это не очень заметно.

— И никто нам не помог! — от злости Йола сжимает кулаки. — Потому что взрослые тупые. Ничего не понимают!

Финн смотрит на небо между машинами, и серые полосы расплываются от слёз и дождя. Он чувствует себя очень несчастным. Хочется есть, мокро и холодно. Его взгляд падает на мотоцикл Хайко — и этот мотоцикл кажется Финну ужасно уродливым. Дурацкий череп на баке, толстенная выхлопная труба, пижонские заклёпки на багажнике. Сколько детей Хайко обокрал, чтобы купить себе такой?

И тут Финну страшно захотелось домой. Нет, с него хватит. Пусть за ним мама приедет. И пусть заберёт у Хайко рюкзак. С ней его шутки не пройдут. Мама терпеть не может, когда врут. Она совершенно выходит из себя. Например, она ужасно сердилась, когда Финн столкнул Лукаса с лазилки и ничего ей не сказал.

Хотя, честно признаться, иногда она и сама говорит неправду. Вот недавно съела все чипсы, а потом всё свалила на Тепса. Но разве сейчас это важно, когда Финн сидит тут под дождём и понятия не имеет, как поступить?

— Я попрошу хозяина, чтобы он маме позвонил, — еле слышно говорит Финн.

Йола встаёт и тут же увязает в грязной жиже, которой теперь покрыта вся парковка, она делает шаг — и брызги во все стороны.

— Ну а я? Что я буду делать?

— Ты можешь поехать с нами. Мама любит гостей, Мухтар тоже.

Но Йола качает головой.

— Не получится. Мы удрали. Нас ищет полиция. Родители убьют меня, как только найдут.

Финн задумывается. И что тогда? Не могут же они вечно прятаться.

Ну а Йола со свирепым видом направляется к мотоциклу Хайко.

— Ты, какашка-дурашка! — кричит Йола.

И тут начинается. «Уа-уа-уа», — орёт мотоцикл, мигая всеми лампочками, да так громко — аж уши закладывает. Испугавшись, дети укрываются за одной

из машин. Это сигнализация сработала, потому что Йола подошла слишком близко. Сирена ревёт всё громче, и этот рёв уже ни на секунду не прекращается.

Дверь «За кружкой Ронни» распахивается, и из неё вылетает Хайко.

— Эй, кто тут?!

Финн и Йола сидят не шелохнувшись. Под машиной между колёсами видны ноги Хайко. Они шлёпают по лужам до мотоцикла, обходят его и останавливаются. Сирена замолкает.

Хайко что-то ворчит, ещё раз оглядывается и спешит назад.

Йола широко улыбается, тряхнув мокрыми от дождя волосами.

— Вишь во-о-он тот байк? — передразнивает она Хайко. — Интродер 78 в полном фарше. Ну, Хайка-Бабайка, погоди у меня...

Она хочет снова бежать к мотоциклу, но Финн удерживает её за рукав. Он что-то придумал.

— Окно... — говорит Финн.

— Какое ещё окно? — не понимает Йола.

— Ну, сзади... Откуда воняет. Оно было открыто?

Йола кивает. Кажется, она догадывается, к чему он клонит.

— Ты хочешь...

— Ну да!

Финн вскакивает на ноги и бежит между машинами. Йола за ним. Так они забегают за здание и останавливаются. Наверху, в серой стене, — маленькое окошко. Оно открыто, и по размеру его как раз хватит, чтобы проскочить внутрь.

Йола придвигает к стене контейнер для мусора. Финн забирается на него и смотрит внутрь через окно. Внутри белый кафель, три писсуара и кабинка. Между кабиной и писсуарами — закрытая дверь, за которой слышны приглушённые голоса.

— Ну? — теребит его Йола. — Полезешь?

Финн кивает. Хотя ему, конечно, страшновато.

— А если меня увидят?

— Скажешь, что тебе срочно понадобилось, — Йола смеётся. — Я свистну, когда будет можно. Вот так.

Она засовывает в рот два пальца и коротко свистит.

Финн кивает. Но его мучит ещё один вопрос.

— А если мы это сделаем... Мы тоже станем ворами?

Йола на секунду задумывается, но тотчас кивает.

— Да, но хорошими. Как Робин Гуд. Или как в «Одиннадцати друзьях Оушена».

Против хороших воров Финн не возражает.

— Воровать, конечно же, плохо, — признаёт он. — Но нам-то нужно отворовать всё назад.

— Точно — отворовать всё назад! — воодушевляется Йола.

— Короче, давай, — и Финн слегка подтягивается на раме, просто чтобы размяться.

— Жди сигнала! — говорит Йола и бежит на парковку.

Там она аккуратно пробирается мимо машин к мотоциклу Хайко и, набрав побольше воздуха, дважды подходит к нему совсем близко. Сигнализация срабатывает: «Ау-ау-ау!»

Финн слышит рёв и готовится.

Ну а Йола переходит к соседнему мотоциклу. Ничего. Дёргает за руль. «Ееии-ееии-ееии!» — запела сирена. «Оа-оа-оа!» — заорал следующий мотоцикл, как только Йола к нему подбежала. И тут начался настоящий концерт: «Оа-оа-оа!» «Ееии-ееии-ееии!» «Ау-ау-ау!» — завывают сирены по всей парковке.

В пивной всё приходит в движение. Рокеры повскакивали с мест, подбежали к окнам и выглянули на улицу сквозь занавески. Входная дверь снова распахивается, и из неё снова выскакивает разъярённый Хайко, а следом — и другие посетители вместе с хозяином.

— Стопудово это маленькие паршивцы! — кричит Хайко визгливо и бросается к своему мотоциклу.

Йола, сидя в кустах, суёт пальцы в рот и громко свистит.

Финн отталкивается от мусорного контейнера, хватается за оконную раму и подтягивается. Как змея, он вползает в крохотное окошко, прыгает вниз и кубарем катится по полу туалета. Быстро вскакивает на ноги, бежит к двери, приоткрывает её и заглядывает в пивной зал. Старичок в одиночестве сидит за своим столиком. Рюкзак по-прежнему висит на спинке стула, где только что сидел Хайко. Финн набирается храбрости, тихонько толкает дверь и совершенно беззвучно крадётся к рюкзаку, прямо как Тепс за птичкой на балконе.

На улице Йола ещё ниже пригнулась в зарослях кустарника, а рокеры возятся с мотоциклами, чтобы выключить сигнализацию. Президент говорит что-то Хайко, а тот с прищуром оглядывается.

— Стопудово они сидят где-то в кустах, — злится Хайко. — Я из них котлету сделаю! Я их так взгрею — своих не узнают!

— Да ладно те, — машет рукой президент. — Это ведь дети.

И он идёт обратно в пивную, приглашая всех за собой.

— А то пиво будет тёплым, — говорит он.

Рокеры кивают и идут следом.

Только они скрываются в здании, как Йола поднимает голову и свистит как можно громче. В этот момент Хайко уже у двери. Он слышит свист и недоверчиво оборачивается.

А вот Финн внутри ничего не слышит — он слишком занят тем, чтобы как можно незаметней подползти к рюкзаку. И уже почти его хватает, как вдруг раздаётся голос:

— Эй, парень, ты чего тут крадёшься?

Финн столбенеет. Он поднимает глаза и видит морщинистое лицо старичка, который наклонился над столом и смотрит на Финна сверху вниз сквозь толстые стёкла очков.

Финн делает глотательное движение. И как раз в этот момент из коридора доносятся шум приближающихся шагов и голоса. Финн переводит взгляд на старичка, который не отрывает от него глаз, словно Финн не мальчик, а редкое насекомое.

— Я... я только возьму свой рюкзак, — мямлит Финн.

Старичок кивает.

— Понимаю, — говорит он и улыбается так широко, что Финн может глубоко заглянуть в его беззубый рот. — Только бери быстрее и мотай отсюда!

Повторять это ему не пришлось. Финн хватается рюкзака и сматывается. Точнее — добегают до туалета, влетает в дверь, перебрасывает рюкзак через окно и сам лезет на улицу, где его уже ждёт Йола. От волнения она подпрыгивает то на одной ноге, то на другой.

— Наконец-то! — вздыхает она с облегчением. — Я уж думала, тебя поймали.

— Не, — Финн торопливо спрыгивает с контейнера. — Но ещё чуть-чуть, и было бы поздно.

Йола поднимает рюкзак, как трофей, и танцует с ним, напевая:

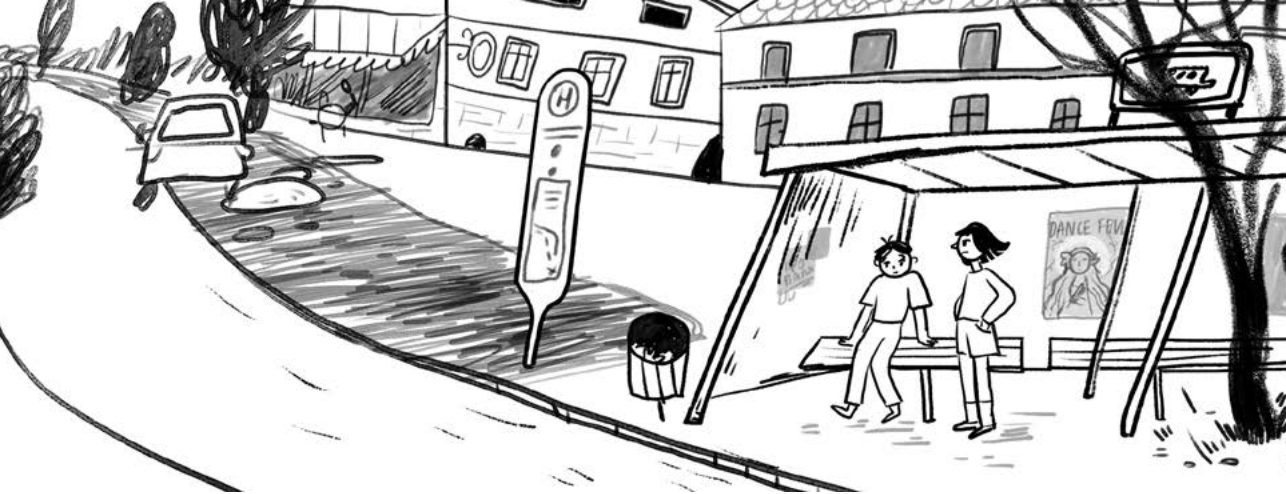
— Хайка-Бабайка, хватать — а рюкзака нет. Упорхнул — и привет.

От напряжения, которое Финн всё это время испытывал, не осталось и следа. Он чувствует себя легко и свободно.

— Хорошенький мы ему фокус показали! — улыбается он.

— Небось у него дырки из тоннелей повывлетали! — смеётся Йола.

Тут Финн не выдерживает и тоже хохочет. Карло со стула упадёт, когда он ему всё это расскажет. Финн надевает на спину рюкзак, и они бросаются бежать. Мчатся напролом, не разбирая дороги, да ещё под дождём, но теперь капли кажутся Финну мягкими струящимися конфетти, которые кружатся в воздухе. И всё, что прежде было давящим и серым, вдруг сделалось ярким и лёгким, как пёрышко.

16. ПРЕЗИДЕНТ ИЩЕТ КОСУХУ

Финн и Йола пересекли поле, оставили позади небольшой перелесок и выбежали на просёлочную дорогу, которая постепенно превратилась в дорогу побольше. От долгого бега и смеха у Финна колет в боку. Он хватается за живот, отдуваясь.

— Ну, хватит! Тут они нас точно не найдут.

Йола тоже остановилась. Она промокла до нитки. Пока они бежали, стало темнеть. В нескольких метрах перед ними, рядом с дорогой, стоит старенькая остановка, похожая на маленький деревянный домик. Финн и Йола заходят под крышу и усаживаются на скамью, чтобы немного высушиться и передохнуть.

Финн открывает рюкзак. Всё как будто на месте: билет на поезд, кошелёк, телефон... Даже ланч-бокс! Он снимает крышку, и ему в нос ударяет аромат черемши. Папины фирменные бутерброды! Он сразу набрасывается на еду. Хотя хлеб уже не первой свежести, Финн подолгу смакует каждый кусочек, словно это какой-нибудь деликатес. Ну а Йола сначала с недоверием рассматривает сыр и черемшу, а потом соединяет два кусочка и надкусывает.

— Хм, ничего так, — говорит она с полным ртом. — Особенно если учесть, что в них нет колбасы.

Финн достаёт телефон. Ого! На дисплее — двадцать шесть неотвеченных вызовов. Все от мамы и папы. Нужно срочно позвонить маме и сказать, что он ближайшим поездом приедет в Берлин. Финн набирает номер. Раздаются два гудка, и мама снимает трубку.

— Финн! — голос у неё дребезжит от волнения. Она так громко говорит, что даже Йола всё слышит.

— Мама! — кричит Финн.

— Господи! Наконец-то ты звонишь! Ты где?!

— Э-э-э... Недалеко от Лёвенберга...

Он вопросительно смотрит на Йолу. Та кивает.

— Как ты? У тебя всё в порядке? Как же мы с Фольки перепугались!

Фольки — это папа. Вообще-то его зовут Фолькер, но мама называет его Фольки.

— Всё отлично, — говорит Финн. — Просто мой рюкзак с билетом...

При слове «билет» мама вспыхивает.

— О, этот ужасный проводник! Я на него жалобу напишу! Это ж надо — выкинуть ребёнка из поезда! А почему ты нас не дождался? Мы бы за тобой приехали. В полиции сказали, что ты сбежал... ещё с одним ребёнком...

— Мы хотели сразу же поехать в Берлин, — говорит Финн. — Но потом столько всего случилось... Зато теперь мы точно сядем на ближайший поезд и...

Тут телефон начинает пикать.

— У тебя же нет билета! — кричит мама. — Лучше скажи точно, где вы находитесь, мы вас заберём!

Пиканье не прекращается.

— Кажется, батарейка садится, — говорит Финн. — Деньги у нас есть. И мы рядом со станцией.

— С какой станцией? — переспрашивает мама. — Так когда и где вас встречать? На Центральном вокзале?

— Ну... — мямлит Финн. — Наверно...

Но больше он ничего не успевает сказать, потому что телефон в последний раз пикает и вырубается.

На дисплее появляется сообщение: «Зарядите аккумулятор».

— Вот свинство! — расстраивается Финн.

— По крайней мере, она теперь знает, что всё в порядке и ты скоро приедешь, — утешает его Йола.

Дети смотрят по сторонам. Дождь прекратился, но уже совершенно стемнело.

Йола встаёт и пытается найти расписание. Но там, где оно когда-то висело, остался только кусок почерневшей пластиковой рамы.

— Не похоже, чтобы тут ещё ходили автобусы, — говорит Йола.

— Тогда пойдём до станции пешком, — предлагает Финн.

Он берёт рюкзак и уже собирается убрать в него все свои вещи, как вдруг замечает, что на самом дне ещё что-то есть. Финн шарит внутри рукой и извлекает из рюкзака чёрный пакет.

— А это откуда? — удивляется Финн и открывает пакет.

В нём оказывается кожаная жилетка, какие носят рокеры, а на жилетке лежит лоскуток ткани. Финн берёт его в руки. Похоже на эмблему морского конька, которую ему мама пришила на плавки, когда он

прошёл курс плавания. Но здесь вместо морского конька красуется всего одно слово.

— Пре-зи-дент, — читает Финн.

— Это косуха президента, — догадывается Йола, показывая на кожаную жилетку.

— А почему она здесь?

Финн рассматривает нашивки, которые уже есть на жилетке: «Герби», «Loud and Proud»*, «100 лет Harley-Davidson**». Финн высоко поднимает жилетку. На обратной стороне изображена львиная голова, а на ней оранжево-красными косыми буквами написано: «MC Fire Lions»***.

— У других на куртках были такие же, — говорит Йола, показывая на львиную голову. — Значит, у этой банды такой знак. А президент у них главный.

Йола прикладывает к косухе кусочек ткани с надписью «Президент».

— Хайко же говорил, что его бабушка это пришьёт.

— Теперь понятно, почему он положил всё сюда, — говорит Финн. — Собирался отнести косуху бабушке. И куда мы теперь её денем?

* Музыкальный альбом шотландской рок-группы Nazareth. Выпущен в 1973 году.

** Американская марка мотоциклов.

*** Мотоклуб «Огненные львы» (англ.).

Йола пожимает плечами.

— Возьмём себе, или оставим здесь, или бросим в ближайший контейнер для поношенной одежды...*

Но договорить она не успевает, потому что как раз в этот момент вдалеке слышится шум моторов. В конце улицы показываются фары — они шарят в темноте, как огромные светящиеся пальцы. На Финна и Йола с шумом и грохотом надвигается целый эскадрон мотоциклов. У Финна мелькает мысль о косухе, и он чувствует недоброе.

— Офигеть, — шепчет Йола.

Финн хватается за рюкзак. Дети забегают за остановку и кидаются в лес. Но позади них уже слышатся голоса:

— Они здесь!

Моторы стихают. Финн и Йола уже в самой чаще, а рокеры бросают своих железных коней у остановки, и вот уже их крики раздаются по всему лесу гулким эхом:

— Сюда!

— Вот они!

— Я их вижу!

Лучи фонарей танцуют между стволами деревьев, наконец они выхватывают из темноты Финна и Йола

* В такие контейнеры в Германии выкладывают старую или просто ненужную одежду.

и, словно приклеившись к ним, не отпускают ни на секунду.

— Стоять! — кричит кто-то.

Но дети бегут дальше, спотыкаясь о корни и сучья, и ветки хлещут их по лицу. Как они ни стараются, расстояние между ними и преследователями всё время сокращается. Их вот-вот догонят, и тогда... Вдруг Йола резко останавливается и хватается Финна за руку.

— Наверх! — кричит она, задыхаясь. И показывает на тёмный ствол дуба между берёзами. Одна ветка растёт так низко, что они почти могут до неё дотянуться.

— Лезь! — кричит Йола. Она складывает крест-накрест руки, Финн забирается на них и хватается за ветку. Подтягивается, одной рукой обхватывает ветку, а вторую даёт Йоле, чтобы помочь ей забраться. И вот они уже лезут друг за дружкой наверх и останавливаются только у самой верхушки, где уже слишком тонкие ветки.

А внизу дерево плотным кольцом обступают роке-ры. Лучи фонарей устремляются вверх.

— Отсюда не уйдёте! — рявкает президент.

Один из рокеров хватается за ветку и лезет по ней, перехватываясь руками, но не удерживается и прыгает вниз.

— Может, разведём огонёк, чтоб их немножко поджарить? — предлагает другой рокер.

— Круто придумал, — хмыкает третий. — Ты так весь лес спалишь.

И тут раздаётся голос Хайко:

— Оставьте их мне! Уж я-то их оттудова выкурю — только слазю наверх.

— Ты бы лучше помалкивал, — цыкает на него президент.

— Я просто предложил, — юлит Хайко.

Ну а Финн и Йола устраиваются наверху, в развилине между веток. Финн крепко держит рюкзак и с беспокойством поглядывает вниз, на собравшихся под деревом взрослых мужчин.

— Рюкзак у вас? — снова кричит президент.

— Да, но он наш, — отзывается Йола.

— Брехня! — вопит Хайко и трясёт кулаком. — Ща я им дам, вот тока залезу!

— Да заткнись ты! — гаркает президент. А сам задирает голову и кричит: — Ладно, рюкзак ваш, но в нём есть кое-что моё, что мне дорого.

— Ты это имеешь в виду? — Йола машет жилеткой. — Клёвая шмотка!

Луч фонарика высвечивает жилетку.

— Это ни фи́га не шмотка! — подаёт голос Хайко. —
Это косуха президента MC Fire Lions!

Президент кивает.

— Больше мне ничё не нужно! — говорит он. —
Просто бросьте её вниз, и разойдёмся.

— Не обманешь? — спрашивает Финн.

Президент снова кивает.

— Даю честное слово.

Финн вопросительно смотрит на Йо́лу, но вместо того чтобы кинуть косуху, Йо́ла вешает её на ветку.

— Ты получишь её, только когда вот этот извинится, — и она показывает на Хайко.

— Ещё чё! — фыркает Хайко.

Но президент снова кивает.

— Извиняйся давай! — требует он.

Хайко таращит на президента глаза.

— Ты чё?.. Я думал...

Но тот хватает его за шею.

— Быстро, я сказал!

Хайко упрямо смотрит на носки своих башмаков.
Пару раз хмыкает и наконец еле слышно бормочет:

— Звините.

— Он извинился — кидай косуху! — орёт президент.

— А? — кричит Йо́ла. — Что-то мы не расслышали.

— Точно! — подхватывает Финн. — Слишком тихо. Пусть скажет громче!

— И обещает больше не красть! — добавляет Йола. — Особенно у детей!

Тут Финну приходит ещё кое-что в голову.

— И пусть вернёт Янине пятьдесят евро! — кричит он.

— Да как они смеют! — свирепеет Хайко.

Но Йолу уже не остановить.

— Пусть поклянётся жизнью своей бабушки... и встанет на колени... и... и покажет нам обе руки, чтобы не скрещивал пальцы.

Тут Йола, которая прежде держалась за ствол, отпускает руки, чтобы продемонстрировать, как Хайко должен всё это проделать, и...

...тут всё и происходит. Ветка под ней прогибается, хрустит и начинает падать. Йола громко кричит и, потеряв точку опоры, энергично машет руками. Она пытается за что-то схватиться, но вокруг ничего нет, и, к ужасу Финна, она летит вниз, натываясь на ходу на шуршащие ветки. Всё ниже и ниже... и наконец с глухим звуком падает на землю прямо между ро-керами.

17. ОГНЕННЫЕ ЛЬВЫ

Финн наверху цепенеет от ужаса.

— Йола?! Умерла?! Ранена?!

Он чувствует, как бешено колотится сердце. Так, что он почти задыхается. Не может этого быть! Не-е-ет!!!!

Рокеры тоже онемели. С перекошенными от ужаса лицами они неотрывно смотрят на девочку, которая лежит перед ними без признаков жизни.

Финн пытается собраться с мыслями. Нужно что-то делать! Нужно ей помочь! Он просто обязан спуститься! Но почему-то он совсем обессилел. Руки словно ватные. Колени дрожат.

Ветер плавно раскачивает косуху, которая по-прежнему висит на ветке. А ведь всё из-за неё! Не сунь её Хайко в рюкзак, они бы давно сидели в поезде, и всё было бы хорошо! А теперь Йола лежит внизу на земле и, может быть, никогда не поднимется. Финн чувствует, как от этой мысли у него перехватывает горло.

Йола, только, пожалуйста, не умирай! Ну почему ты не шевелишься?

Кажется, прошло много часов, хотя на самом деле — всего пара секунд. Финн осторожно нащупывает следующий сук. Ему срочно нужно к Йоле! Он спускает одну ногу вниз, как вдруг раздаётся сухой кашель. Финн его сразу узнал. Это самый чудесный кашель на свете! И так кашляет только один человек: Йола! Финн крепко хватается за ствол и смотрит вниз.

Йола шевелится. Ещё раз кашляет и наконец-то встаёт. Выглядит она ошарашенно.

— Бабах-телебах, — произносит она. — Вот грохоту-то.

— Ну, малышка, ты нас и напугала, — говорит президент.

А у Финна камень с сердца свалился: Йола жива!

Тем временем Йола оправилась, покрутила на всякий случай головой и улыбнулась:

— Всё в порядке, жить буду.

Вдруг как из-под земли перед ней вырос Хайко.

— Ну чё, — он со злорадством смотрит на Финна. — Теперь мы тут командываем. Хошь свою подружку обратно — валяй сюда косуху!

И он вцепляется Йоле в плечо.

И тут Финн разозлился. Одним рывком он стянул с ветки косуху, схватил рюкзак и решительно полез вниз — ноги и руки словно сами собой находят дорогу. Все его страхи как рукой сняло. Он зол как чёрт... Зол на Хайко, который его обокрал, а теперь ещё выступает... Зол на проводника, который взял и вышвырнул его из поезда... Зол на полицейских, которые нисколько ему не помогли... Зол на президента и его рокеров, которые, как диких зверей, гнали их ночью по лесу... Зол на всех взрослых, которые вечно хотят командовать и вечно всё портят!

Финн уже добрался до нижней ветки. Качнувшись, как на турнике, он прыгает вниз, и вот он рядом с Йолой, вокруг которой по-прежнему стоят рокеры. Хайко хочет сразу отобрать рюкзак, но Финн не даёт.

— А ну отпусти Йолу! — гаркает он.

Но Хайко только встал в позу и надул щёки.

— Эй, карапуз, я бы на твоём месте помалкивал...

— Ещё чего! — кричит Финн и сердито смотрит на рокеров. — Да не нужна нам эта косуха! Мы даже не знали, что она в рюкзаке!

Тут он поворачивается к Хайко.

— Но рюкзак мой! И если б ты его не украл, нас бы тут вообще не было!

Рокеры удивлённо подняли брови. Хайко хочет что-то сказать, но президент поднимает руку.

— Отпусти девчонку, — требует он.

Хайко нехотя отпускает Йолино плечо, и она встаёт рядом с Финном.

— Вот именно, — подтверждает она. — Мы бы давно были в цити.

— То есть в сити? — переспрашивает президент.

— Ну да, в Берлине, — кивает Финн.

— Так-так, — говорит президент. — Ну а где ваши родители?

— В том-то и дело, что в Берлине, — объясняет Финн. — Моя мама...

— То есть вы тут одни? — президент с громким хрустом чешет свой бритый затылок и задумчиво смотрит на детей. — Вы вроде как маловаты для того, чтобы бегать не пойми где ночью без взрослых...

— Так я ведь ехал на поезде! — говорит Финн. — Но после того как вот этот, — он показывает

на Хайко, — украл мой рюкзак, в котором был билет, проводник меня выкинул, а полицейские угодили в аварию, и нам ничего не оставалось, кроме как добираться дальше одним...

— Ясненько, — улыбается президент. — Тогда я могу вам кое-что предложить: вы отдаёте косуху, а мы довезём вас до «цита».

— Ну... — Финн колеблется, но Йола уже вся загорелась.

— Да! — кричит она. — На мотоцикле!

Рокеры тоже улыбаются, и только Хайко явно сбит с толку.

— Но... — мычит он.

— Никаких «но»! — перебивает его президент. — А ты вообще заткнись!

Хайко делает обиженный вид. Финн достаёт из рюкзака косуху, и Йола торжественно передаёт её президенту. Тот выглядит очень довольным.

— Даже не представляете, как это важно! Косуха для рокера — это святое. В некоторых клубах разгораются настоящие войны, если кто-нибудь до неё неаккуратно дотронется.

— Ого! — поражается Йола и поспешно вытирает руки о штаны. — Значит, нам ещё повезло.

Президент снова улыбается, поворачивается к рокеру с татуировкой в виде головы льва и говорит:

— Значит, так, Эки, мы с тобой сажаем детей на задние сиденья, остальные едут эскортом.

— А я чё? — спрашивает Хайко, который всё это время с кислой миной стоял рядом.

— А ты останешься здесь и пошевелишь мозгами.

Мотоциклы ждут их у остановки. Президент и Эки подводят Финна и Йола к своим мотоциклам, достают из мотосумок дополнительные шлемы и пояса для спины.

— Это защитит спину и голову, — говорит президент. Он надевает Йоле на голову шлем и своими большими руками аккуратно застёгивает ремни у неё под подбородком.

— Пояс греет спину — так вы не простудитесь, — поясняет Эки, затягивая защитный пояс Финну на талии.

Рокеры усаживаются на мотоциклы, помогают детям забраться наверх и сажают их за собой.

— Главное — крепко держитесь, — говорит президент. — Как мартышки за своих мамочек.

Йола кладёт руки на живот президенту, а Финн — Эки.

— Если станет плохо или ещё чего, просто подайте знак правой рукой, вот так, — президент машет правой рукой, и Финн с Йолой кивают.

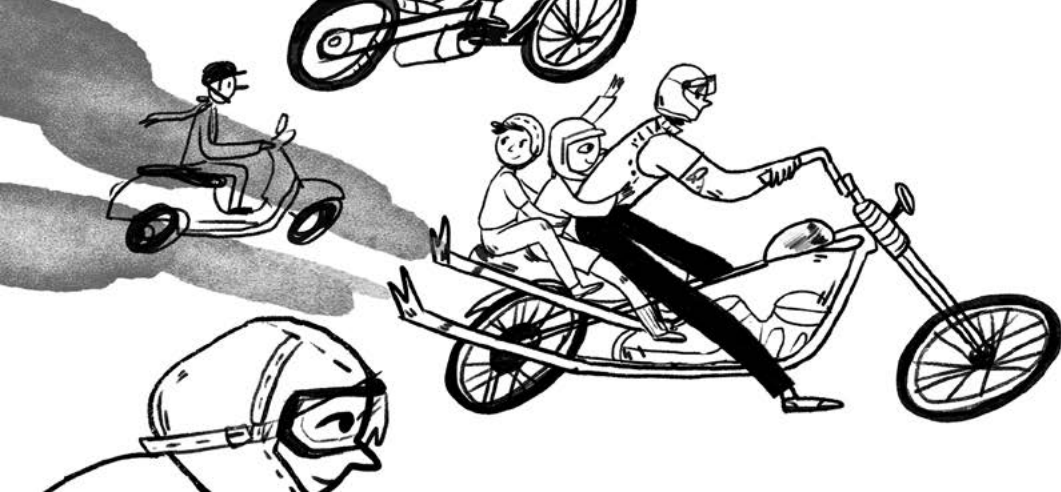
— Мышцы должны быть расслаблены, особенно на поворотах. Ясно?

Дети снова кивают.

— Отлично. Тогда поехали.

Президент заводит мотоцикл, и в тихую ночь врывается рокот мотора. И тотчас ему отвечают другие моторы, которые режут и громяхают на разные голоса. Президент и Эки включают передачу, отпускают сцепление и трогаются. Финн и Йола держатся изо всех сил. Пара поворотов, и они уже на большой дороге. Все остальные рокеры едут следом. Все, кроме Хайко, который, скрестив на груди руки, стоит рядом со своим мотоциклом и не сводит глаз с белого черепа.

Президент и Эки прибавляют газу. Мотоциклы едут быстрее, встречный поток воздуха треплет одежду, особенно штанины. Финн смотрит вперёд. В свете фар плывёт сверкающая дорожная разметка, ну а рядом едет Йола и счастливо ему улыбается. Под шлемом развеваются на ветру её волосы.

18. В ЦИТИ

Небольшая дорога выводит их на дорогу побольше, а та — на скоростное шоссе. Чем шире дорога, тем больше на ней машин. Вокруг едут грузовики, маленькие и большие легковушки; кто-то быстрее них, кто-то — медленнее. Мотоциклы обгоняют грузовичок с прицепом, из которого выглядывают два лошадиных хвоста, потом — туристический автобус, и когда они с ним поравнялись, видно пассажиров, которые спят с открытыми ртами.

Наконец они оказываются на Берлинском кольце*, проезжают мимо медведя, который, как всегда, сидит

* Берлинским кольцом называют автомагистраль A10, идущую вокруг Берлина.

на своём постаменте и будто собирается помахать путникам лапой*. Финн знает: теперь они в Берлине. В цити. То есть дома.

И понимает, что очень волнуется. Так бывает, когда возвращаешься домой после летних каникул и спрашиваешь себя: всё ли по-прежнему? А ведь его не было меньше двух дней. Но чувство такое, будто прошло недели две, не меньше.

На горизонте светится телебашня, похожая на гигантскую булавку, которую кто-то воткнул в море домов. Позади остаётся улица Инвалидов, и тут Финн видит круглую стеклянную крышу и башенку Центрального вокзала.

Президент и Эки огибают вереницу такси и останавливаются на огромной парковке перед вокзалом. Финн и Йола слезают с мотоциклов и расстёгивают шлемы.

— Это было круто! — говорит Йола с восторгом. — Спасибо!

— Не за что! — машет рукой президент. — Вообще-то это Хайко во всём виноват. Но он больше не будет красть у детей, это мы вам обещаем.

* Речь о большом каменном медведе, который стоит на Берлинском кольце. Он стоит в той же позе, что и медведь на гербе города: задние лапы согнул, а передние поднял вверх. На постаменте написано «Берлин».

— Он за это заплатит, — подтверждает Эки.

Финну даже становится его немножечко жалко.

— Всё-таки вы с ним не очень строго... — просит он.

Президент улыбается и треплет Финна по прямым волосам.

— Не волнуйся, мы же не звери. Но из клуба он может вылететь.

— А ты отличный президент, — говорит Йола. — Особенно для рокера.

Президент явно тронут.

— Я запишу это в свой поэтический альбом, — говорит он, поправляя шлем.

— Счастливо оставаться! — кричит президент напоследок и заводит мотоцикл. Остальные следуют его примеру. Моторы тарахтят, и шеренга мотоциклов снова трогается.

Ну а Финн и Йола направляются прямо к вокзалу. Внезапно перед большим стеклянным входом Йола останавливается и серьёзно смотрит на Финна:

— Лучше ты иди один.

— Это ещё почему? Наверняка нас там мама ждёт.

— Правильно, но она ждёт *тебя*.

— Но ты можешь у нас переночевать!

Йола качает головой.

— Тогда мне придётся всё объяснить. И твоя мама скажет, чтобы я позвонила родителям.

Финн задумывается. В общем-то, Йола права.

— Зато они узнают, что ты у нас, и не будут волноваться, — говорит он наконец. — Наверняка они даже обрадуются...

Йола вздыхает.

— Мои родители не такие продвинутые. Мне от них так и так влетит. Но сначала я хочу хорошо провести время.

— Хм-м-м-м, — Финн неуверенно кивает. — Значит, ты поедешь к сестре?

— Посмотрим, — Йола пожимает плечами. — Может, вначале ещё куда-нибудь. Например, на Кудамм* — пошопиться — или в Ка-Де-Ве. Заскочу в «Берлинскую темницу»**, поглазею на скейтеров в парке ам Гляйсдрайек. Или прокачусь на метро по кольцу, а может, и по Шпрее*** — там есть такой кораблик с водой, где можно поплавать.

— Да знаю я, — говорит Финн. — Но сейчас уже ночь.

* Курфюрстендамм, или Кудамм, — знаменитая берлинская улица с бульваром, множеством модных кафе и магазинов.

** «Берлинская темница» — интерактивный музей, который в игровой форме рассказывает о страшных страницах берлинского прошлого.

*** Судоходная река в Берлине.

Йолу это нисколько не смущает.

— Берлин — это город, который никогда не спит!* — восклицает она.

Финн смотрит на неё одновременно с горечью и восхищением. Оттого, что сейчас, на этом самом месте, их дороги разойдутся, у него разбухает ком в горле.

— Но... мы... — мямлит он, и его голос вдруг звучит совсем тихо: — Мы ведь останемся друзьями?

Йола раскачивается на носках, заложив большие пальцы за шлёвки штанов.

— Ну ясно дело! — говорит она. — Слушай, у меня ведь даже нет твоего телефона. Дай-ка ручку.

— Это значит... мы ещё увидимся? — переспрашивает Финн.

— Ну конечно!

Йола записывает телефон Финна себе на предплечье. И он медленно убирает ручку обратно в рюкзак.

Потом они стоят друг против друга и молчат. Оба не знают, что ещё такого сказать. У Финна комок из горла всё не уходит. Наконец он откашливается и произносит:

* Знаменитая фраза из песни «Нью-Йорк, Нью-Йорк», спетая в 1977 году Лайзой Минелли, а затем перепетая Фрэнком Синатрой. Вслед за Нью-Йорком «городом, который никогда не спит» стали называть и Берлин.

— Что ж, тогда...

Йола по-прежнему перекачивается с носков на пятки.

— Будь мы взрослые, — говорит она вдруг, — мы бы сейчас... ну... ты понимаешь, поцеловались и всё такое, но, слава богу, мы ещё дети...

И она улыбается.

— ...поэтому я сделаю лучше захват.

Она обхватывает Финна одной рукой за шею и тянет к себе.

— Эй! — протестует Финн, уворачиваясь, хотя ему даже немножко приятно и он покраснелся как помидор.

— Кстати, я уже придумала, чем мы займёмся, когда встретимся, — заявляет Йола. — Мы отправимся в настоящее путешествие! В другую страну, в Польшу. К бабче и дядеку. Вместе нам не будет там скучно!

Финн кивает. Комок из горла теперь скатился в живот, и внутри побежали мурашки.

— Точно! — кричит Финн.

Он так обрадовался, что теперь сам хватает Йола за шею, и это опять оказалось приятно. Мурашки в животе забегали ещё быстрее. Как во время тренировки, когда герр Олихшлегер свистит в свой свисток и у тебя есть три минуты, чтобы забраться под

самый потолок по канату. Иногда у Финна это получается, особенно если он в шортах, — канат нужно как можно крепче обхватывать ногами. Вот тогда-то по телу начинают бегать мурашки, прямо как сейчас, когда Йолины волосы щекочут ему нос и он ощущает тепло её кожи.

— Только, чур, без поцелуйчиков! — пищит Йола и в шутку ударяет Финна по подбородку. — Ну всё, тебе пора.

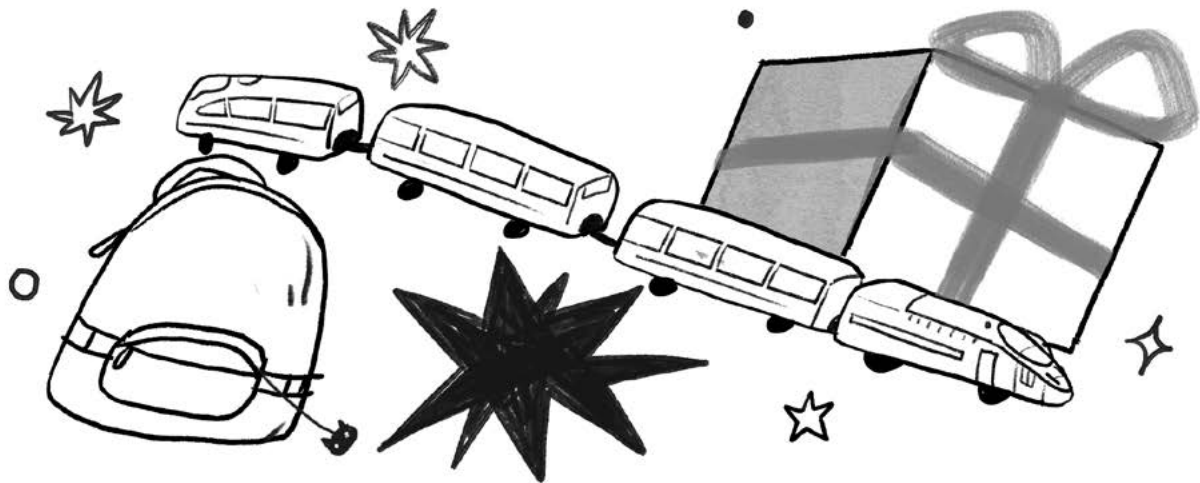
И она показывает на здание вокзала.

Финн вытаскивает из кармана подаренную Удо двадцатку и протягивает Йоле.

— Вот, тебе пригодятся.

— Спасибо, — говорит Йола и берёт деньги.

А потом разворачивается и идёт. Хотя правильнее будет сказать, что она не идёт, а скачет между спешащими куда-то людьми и то и дело оборачивается, чтобы помахать Финну рукой. Финн стоит и смотрит ей вслед. Он тоже поднял руку для прощания, а может, чтобы смахнуть украдкой слезу, которая бежит по щеке.

19. И СНОВА РОДИТЕЛИ

И ола скрылась в толпе, Финн ещё раз вздохнул и уже собрался войти в здание вокзала, как вдруг услышал, что его кто-то зовёт:

— Финн!

Из больших стеклянных дверей ему навстречу движется группа взрослых под предводительством мужчины в красной фуражке.

— Финн! — снова зовёт кто-то, и на этот раз, к своему удивлению, Финн узнаёт среди этих взрослых маму, папу и Мухтара — они идут прямо к нему и возбуждённо машут руками. За ними следуют женщина и мужчина с усами — их Финн не знает.

Мужчина с усами тоже размахивает руками и строгим голосом кого-то одёргивает:

— Иоланта!

Но Финн даже не успевает подумать, кто это, потому что со всех ног бежит к маме и папе, которые раскрывают ему навстречу руки для объятий. На секунду он задумывается, к кому первому бежать, и тут же бросается к маме.

— Финн! — мама так крепко его сжала, что у него перехватило дыхание.

Потом наступает очередь папы. Он поднимает Финна высоко в воздух и хорошенько треплет ему волосы — он так часто делал, когда Финн был ещё маленький.

— Ты откуда взялся? — спрашивает папа.

— Мы думали, ты приедешь на поезде! — восклицает мама.

— У тебя всё в порядке? — не унимается папа.

— А почему ты раньше не позвонил? — вставляет мама.

— Как же ты нас напугал! — кричит папа.

Вопросы так и сыплются, и Финн даже не знает, на что отвечать. Рядом с папой и мамой стоит Мухтар. Он сердечно хлопает Финна по плечу и приговаривает: «Ох, малыш, малыш».

Тут к ним подходят мужчина с усами и женщина — от волнения щёки у неё стали ярко-красные. Нужно ли говорить, как Финн удивился, когда увидел между ними Йолу.

— Это фрау и герр Янковски, — говорит мама. — А ты, наверно, Иоланта? — спрашивает она, улыбаясь.

Фрау Янковски обнимает Йолу и то и дело чмокает её в щёчку.

— Йолушка, живчик ты наш, — приговаривает фрау Янковски. — Какая радость, что ты наконец-то нашлась!

Йола густо краснеет.

Герр Янковски гладит усы и строго смотрит на Финна.

— Значит, ты и есть тот сорванец, из-за которого Йола сбежала?

— Ну... — мычит Финн. Но больше он ничего не может сказать, потому что голос опять подаёт мама:

— Нам в полиции дали телефон родителей Иоланты. И когда ты позвонил, мы сразу дали им знать.

Фрау Янковски кивает и снова целует Йолу.

— У бабчи и дзядека чуть инфаркт не случился, когда они узнали, — говорит она. — А о бедняжке Войцехе и говорить нечего!

Йола украдкой многозначительно смотрит на Финна и закатывает глаза — мол, вот не повезло.

— Ну, юная леди, — герр Янковски машет указательным пальцем у неё перед лицом. — Надеюсь, ты понимаешь, что будешь наказана?

— Ах, герр Янковски, — вмешивается папа. — Самое главное, что они целы и невредимы и что мы их нашли.

— Если кого и надо наказывать, так это того мерзкого проводника, — соглашается мама. — Это ж надо — выкинуть ребёнка из поезда!

Тут вдруг раздаётся громкое покашливание. Все оборачиваются и смотрят на мужчину в красной фуражке, ведь это он кашлял. Финн совсем о нём забыл, хотя всё это время мужчина стоял позади них.

Мама и папа недоверчиво на него смотрят.

— Кхе-кхе, — ещё раз покашливает мужчина в фуражке. Он делает шаг вперёд и протягивает Финну большой свёрток.

— Молодой человек, — говорит он. — Разрешите от имени железной дороги вручить вам вот этот презент.

Финн с удивлением смотрит на свёрток, перевязанный широкой красной лентой — в точности такого же цвета, как и фуражка.

— Кхе-кхе, — снова начинает мужчина. — Хотя наш проводник действовал, кхе-кхе, в рамках установленной

инструкции, разреши мне, кхе-кхе, принести извинения тебе и твоим родителям за, так сказать, доставленные неудобства. Вот.

— Спасибо! — Финн с удовольствием берёт свёрток.

Мама бросает на представителя железной дороги убийственный взгляд.

— Если думаете, что вам это сойдёт с рук, ошибаетесь!

— Вот именно! — поддакивает Мухтар. — Сначала улучшите сервис, а уж потом экономьте!

Папа одобрительно кивает.

— Итак, прошу внимания! — мама хлопает в ладоши и разворачивается так, чтобы её всем было слышно. — Приглашаю всех к нам в гости! Мой муж, точнее мой бывший муж, столько приготовил, что на всех хватит.

Папа снова кивает.

— Я подумал, что после стольких приключений дети наверняка будут голодными.

Финну эта идея страшно понравилась — он только сейчас почувствовал, как сильно ему хочется есть. Он радостно смотрит на Йолу, которая по-прежнему стоит рядом с родителями, и ей явно не по себе. Наконец-то он покажет ей свою квартиру и Тепса!

Фрау Янковски кивает в нерешительности.

— Ну, если это вас правда не затруднит...

— Что за ерунда! — восклицает мама.

Папа бежит на стоянку такси и договаривается с водителем огромной машины, что тот всех довезёт. Это почти что автобус, во всяком случае, места в нём предостаточно. Все рассаживаются, и машина катит к Финну домой, на Гриммштрассе.

Финн так торопится, что взбегает на третий этаж по лестнице наперегонки с Йолой. Открывает дверь, и Тепс тотчас начинает тереться им о ноги и мяукать. Первым делом Финн проводит для Йола экскурсию. Вот его комната с кроватью-чердаком, вот расстроенное пианино, на котором он умеет играть «Yesterday», вот перекладина в коридоре — Финн может на ней десять раз подтянуться. Ну а Йола смогла двенадцать.

Потом все садятся за стол. На ужин у них шницель из сыра тофу с картофельным пюре и огуречным салатом. Взрослые уже перешли на «ты» и ведут типичные взрослые разговоры:

— Эва, будешь ещё шницель?

— Фолькер, шницель просто объедение. Ты обязан рассказать мне рецепт.

— Яцек, кем ты работаешь?

— Слесарем. Ну что... деньги по улице не прогуливаются. Можно так по-немецки сказать?

— Можно «деньги на дороге не валяются».

— В Гане мы говорим: змея потеряла ноги после долгого сна.

Ну а Финн с Йолой такие голодные, что молча съедают огромную порцию, а потом ещё просят добавки и только после этого начинают рассказывать. С самого начала. Не упуская ни единой детали. Финн рассказывает, как Хайко показал ему карточный фокус и как полицейские угодили в аварию, а Йола — как они сбежали и как потом ехали на тракторе. А ещё — о волке и голых датчанах, о том, как их подбросил Старый Фриц и, конечно, как они случайно наткнулись на Хайко и рокеров.

Взрослые даже представить себе не могут, как за такое короткое время можно столько всего пережить.

— Надо же: король, президент и настоящий волк! — восклицает Мухтар.

Финн кивает, а Йола понизила голос и завывала:

— О-О-О-О-О-О-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У!

И все засмеялись.

Тут вспомнили о свёртке, который подарил Финну сотрудник железной дороги. Финн развязывает ленту и раскрывает коробку. Внутри — модель железной дороги и игрушечный поезд, региональный экспресс

из трёх двухэтажных вагонов. Папа предлагает сразу всё опробовать. Финн не против и вопросительно смотрит на Йола — ну а Йола всегда рада что-то опробовать.

Дети принимаются складывать из рельсов дорогу, Мухтар изучает инструкцию, мама идёт за удлинителем, а Яцек и Эва помогают папе убрать со стола. Финн ставит вагоны на рельсы, Йола поворачивает ручку на трансформаторе, и поезд трогается. Сначала он идёт медленно, потом разгоняется и уже вскоре мчится во весь опор.

— Следующая остановка — Ораниенбург! — кричит Йола.

Финн кладёт голову на руки и заглядывает в окошко вагона. И ему представляется, что он сам сидит там за столиком на втором этаже. Впервые в жизни он один едет в Берлин.

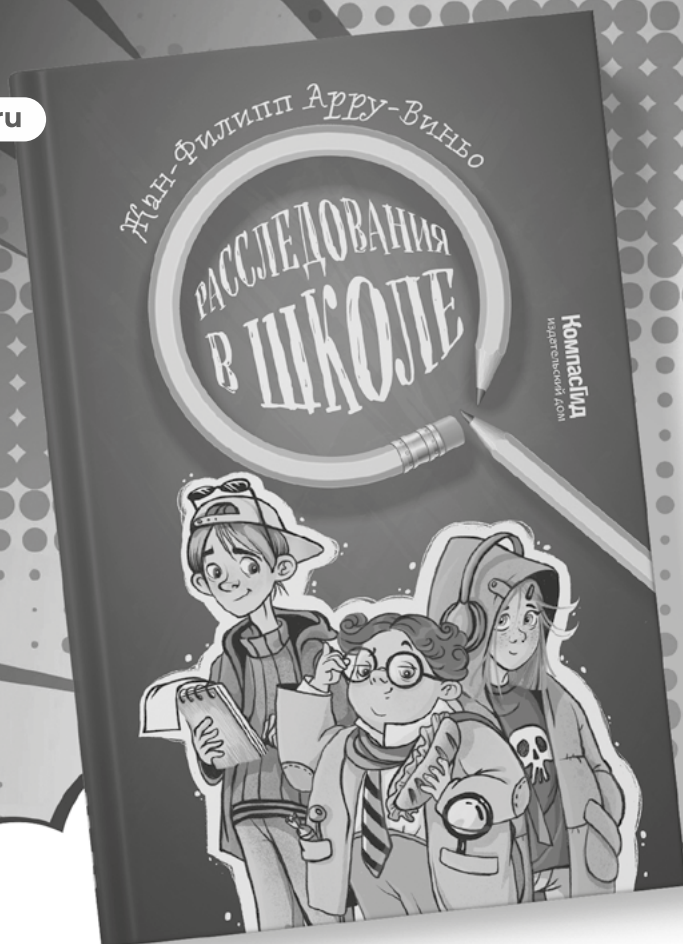
ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Хакмак с огромным пакетом	5
2. Создаёт проблемы проводник	17
3. Хлопки и щелчки	28
4. Прожорливый телефон-автомат	44
5. Всё время на юг	54
6. У вас есть что-нибудь вегетарианское?	65
7. Душ из кетчупа и стог сена	74
8. Дикий зверь желает спокойной ночи	83
9. Клятва в вечной дружбе, или Что-то в этом роде	90
10. Троус и нудисты	100

11. Проблема с ископаемым топливом	111
12. Старый Фриц на бешеной табуретке	126
13. Хакнуть Хакмака	141
14. За кружкой Ронни и закон о защите детей	147
15. Воровать, конечно же, плохо	157
16. Президент ищет косуху	168
17. Огненные львы	179
18. В цити	187
19. И снова родители	195

Купить книгу
на нашем
сайте

kompasgid.ru

Жан-Филипп
Арру-Виньо

РАССЛЕДОВАНИЯ В ШКОЛЕ

Для среднего
школьного
возраста (6+)
240 стр.

Куда исчез учитель истории, который на поезде вёз учеников в Венецию?

Почему школьного лаборанта месье Штатава обнаружили в кабинете естествознания лежащим без сознания?

Зачем владелица старинного английского особняка проводит странные лабораторные эксперименты и какую роль в этом играет её индийский слуга?

Раскрыть загадочные происшествия берутся три ученика из 7 «Б»: стеснительный, но смелый Реми, бесстрашная Матильда и гениальный Пьер-Поль Луи де Жанвье. Неунывающие герои отслеживают настоящих преступников и помогают взрослым увидеть картину произошедшего.

Купить книгу
на нашем
сайте

kompasgid.ru

Камель
Бенауда

НОРМАН

Для среднего
и старшего
школьного
возраста (12+)
320 стр.

Норман хотел бы уметь телепортироваться, как его любимый супергерой Кварк. Или передавать мысли на расстоянии, как его лучшая подруга Агата. Или проходить сквозь стены, как папа. Ну в крайнем случае, потеть вонючим зеленым клеем, как тот бедолага, про которого рассказывала бабушка. **Но тринадцатилетний Норман Невиль — единственный в мире человек без суперспособностей.**

А впереди обязательное тестирование на суперсилу! И если Норман всё провалит — не видать ему спокойной жизни.

Друзья придумывают, как помочь Норману скрыть свою тайну от учителей и родителей — но, кажется, они перестарались...

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 6+

Мартин МУЗЕР
Иногда нужно просто удрать
Перевод с немецкого Елена Леенсон
Иллюстрации и обложка Настя Туровская

Издатель Виталий Зюсько
Главный редактор Марина Кадетова
Художественный редактор Дмитрий Дервенёв
Ведущие редакторы Ольга Громова, Яна Сартан
Литературный редактор Елена Толмачёва
Художественное оформление и верстка Дмитрий Дервенёв
Дизайнеры Маргарита Чечулина (Greta Berlin), Артём Суменков
Корректоры Евгения Якимова, Ксения Левонесова

Регистрационное свидетельство № 1187746607146 от 27.06.2018

ОООО «Издательский дом «Тинбук»
115172, Москва, Новоспасский пер., д. 7А, стр. 4
E-mail: teenbook.publishing@gmail.com

Товарный знак «КомпасГид» используется
на основании договора с ООО «Издательский дом «КомпасГид»
№ 201901-ТЗ от 18.01.2019 г.

**Купить книги «КомпасГид» вы можете на сайте www.kompasgid.ru
или в отделе продаж издательства:
тел. (499) 707-74-75, book.kompasgid@gmail.com**

Заказать книги в библиотеку: пишите на kompasgid@gmail.com

Читать в электронном формате: ищите нас на www.litres.ru

**Следить за новостями и книжными новинками: подписывайтесь на нас
в социальных сетях VK, Яндекс Дзен**

Подписано в печать 30.09.2022.
Формат 70×100/16 (170×220 мм). Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.
Отпечатано в
Заказ №